

РЕТИНОИДЫ, альманах, вып. 11

RETINOIDS, almanac, v. 11

В.И. Ноздрин

КОРИФЕЙ

ФНПП “РЕТИНОИДЫ” – Москва, 2001

А.И. Бабухин (1827 – 1891) – русский гистолог, Действительный статский советник, Заслуженный профессор, основоположник Московской школы гистологов. Родился в деревне Семендяево под Орлом, окончил Орловскую губернскую гимназию, и с отличием – медицинский факультет Московского императорского университета, в 1862г. защитил докторскую диссертацию. С 1865г. там же заведовал кафедрой физиологии, а с 1869г. – кафедрой гистологии. Исследования А.И. Бабухина посвящены гистофизиологии нервно-мышечной системы, сетчатой оболочки глаза, электрических органов рыб. Он описал аксон-рефлекс, нейрофибриллы в отростках нейронов, усовершенствовал штатив светового микроскопа, организовал бактериологическую лабораторию. Разработал методику преподавания гистологии, написал учебную программу, собрал коллекцию микроскопов, гистологических препаратов, учебных таблиц, эмбриологических муляжей. Обладал даром красноречия, с успехом читал лекции студентам.

Альманах издан на средства **ФНПП “РЕТИНОИДЫ”** и **С.А. Никифорова**. Точка зрения автора не обязательно отражает точку зрения издателя. Все права принадлежат ФНПП “РЕТИНОИДЫ”, без согласования с руководством которого не могут быть переведены на другие языки, депонированы, и/или размножены любым из способов ни весь альманах, ни его фрагменты.

© - “RETINOIDS” Ltd. All rights reserved. Neither this book, nor any part of it may be transmitted, reproduced in any form or translated into other languages without official permission from the publisher. Authors ‘s conceptions does not necessary coincide with publisher’s point of view.

© - ФНПП “РЕТИНОИДЫ”,
фармацевтическое научно-производственное предприятие.

111123, Москва, ул. Плеханова, д. 2. АО "РЕТИНОИДЫ"
тел.: (095) 306-97-00; тел./факс: (095) 176-19-28

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Александра Ивановича Бабухина вписано золотыми буквами в историю Московского Университета, которому скоро исполняется 250 лет. Ярчайший представитель замечательной плеяды университетских профессоров второй половины 19 века, А.И. Бабухин является основоположником преподавания отдельного курса гистологии на медицинском факультете Московского Университета как важного элемента теоретической подготовки врача.

История появления гистологии как предмета преподавания на медицинском факультете и ее развития до настоящего времени еще далеко не изучена и нуждается в кропотливом исследовании, однако место в ней профессора А.И. Бабухина как основоположника особого стиля преподавания этого предмета для студентов-медиков, неоспоримо. Этот стиль отличался яркостью, приверженностью естественнонаучным принципам, неприятием начетничества и схоластики, функциональным подходом.

В последние десятилетия XX века внимание к памяти многих выдающихся отечественных ученых, в том числе и профессоров Московского Университета, несколько ослабло. Тем более можно только приветствовать инициативу Орловского медицинского института и создателя кафедры гистологии этого учебного заведения профессора В.И. Ноздрина по увековечению памяти замечательного Российского ученого и педагога Александра Ивановича Бабухина.

Заведующий кафедрой гистологии, цитологии и эмбриологии Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова (бывшего медицинского факультета Московского университета), академик РАН, профессор **С.Л. Кузнецов**

ОТ АВТОРА

В июне 2001 г. исполняется 110 лет со дня смерти корифея русской гистологии проф. А.И. Бабухина.

Всякая жизнь заканчивается. Ушедшего человека оценивают по тому, что он оставил после себя. А.И. Бабухин свою жизнь отдал безраздельно своей науке и своему предмету в высшей медицинской школе. Он оставил после себя богатое наследие. Современники высоко оценили Учителя. Его достойно похоронили, поставили символичное надгробие, у него было много биографов, его образ был запечатлен в мраморном бюсте с красивым обрамлением, бабухинской называлась его кафедра, его имя носила одна из больниц в Москве.

... Не осталось почти ничего. Дом, где была его скромная квартира, разрушен, подаренная кафедре научная библиотека разрознена, небольшая часть её еще хранится на его кафедре, малая толика коллекции микроскопов осталась обезличенной в Политехническом музее (Москва), разрушена могила, осквернено надгробие, переименована больница.

В год 150-летия А.И. Бабухина к кому только не обращался тогдашний заведующий кафедрой Ю.И. Афанасьев с просьбами сохранить его память для потомков - все отказали. А просил-то он совсем немного – опубликовать небольшую брошюру об ученом, переиздать его труды, учредить скромную премию и дать право кафедре гистологии 1 ММИ им. И.М. Сеченова именоваться Бабухинской. Каких невероятных усилий стоило Юлию Ивановичу “пробить” юбилейную конференцию, издать сборник работ, выпустить памятные значок, конверт и опубликовать две биографические статьи – в СССР и ГДР.

Москва в значительной степени растеряла память о своем верном Сыне, – о великом ученом-труженике, об одном из корифеев русской науки – и не захотела её восстановить. Немного, что сегодня напоминает о Бабухине, так это имя профессора на мемориальной доске, сохранившейся на здании Орловской губернской гимназии, которую он окончил.

В настоящей работе я хочу привести документы, говорящие о заслугах этого человека. Альманах адресую моим землякам и прежде всего орловским студентам-медикам. Я горжусь, что преподаю гистологию на родине А.И. Бабухина по его методике, поскольку я учился и работал на бабухинской кафедре почти четверть века.

Благодарю своих коллег - канд. мед. наук Т.А. Белоусову, Т.В. Нестерину и акад. МАН, д-ра мед. наук, проф. А.С. Кинзирского, которые помогли отобрать материалы, набрать и отредактировать текст этого выпуска альманаха. Новые и весьма ценные данные о Бабухине мне передали канд. биол. наук Ч.Г. Гаджиева и акад. РАЕН, д-р мед. наук, проф. С.Л. Кузнецов - сегодняшний заведующий кафедрой, которую создал А.И. Бабухин. Большое им за это спасибо. Особую признательность выражаю сотрудникам Государственной центральной научной медицинской библиотеки – Г.В.Смирновой (зав. отделом абонементов), Л.А.Семеновой (главн. библиотекаря отдела абонементов), В.Г.Назаровой (зав. отделом хранения) и работникам Фундаментального отдела Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова – Е.А.Илясовой (зав. отделом межбиблиотечного абонементов), М.Л.Евсеевой (главн. библиотекаря отдела межбиблиотечного абонементов), Т.М.Степановой (зав. абонементом научной литературы), И.В.Соловьевой и О.А.Андриановой (дежурным консультантам по каталогу). Эти люди своим высоким профессионализмом, интеллигентностью и бережным отношением к отечественной науке помогли найти необходимую литературу и по крупицам собрать сведения о жизни выдающегося ученого.

Владимир Ноздрин

УРОЖЕНЕЦ ЗЕМЛИ ОРЛОВСКОЙ

Село Семендяево Мценского уезда Орловской губернии. Сегодня - это Орловский район Орловской области. Деревня с тем же названием, вернее то, что от нее осталось, расположена в 5-6 км слева от железнодорожной станции Становой Колодезь. Дом, когда-то стоявший здесь, на высоком берегу р. Оптухи, не сохранился. На его месте можно видеть хату крестьянки В.П. Комиссаровой, которая на своем огороде до сих пор выкапывает камни от фундамента дома помещика А.Д. Боборыкина. Здесь родился 16 марта 1827 г. Александр Иванович Бабухин, выходец из дворян, русский ученый – гистолог, основатель Московской школы гистологов, Действительный статский советник, Заслуженный профессор Императорского московского университета.

Как пишут А.И. Метелкин и соавт. (А.И. Бабухин – основоположник Московской школы гистологов и бактериологов. М., ГИМЛ, 1955, 407 с.), отец ученого – Иван Тимофеевич Бабухин, был отставным чиновником. Окончив гимназию в январе 1817 г., Иван Тимофеевич поступил копиистом в Конотопскую городскую ратушу, где дослужился до канцеляриста. В 1820 г. перешел на службу в Почтовый департамент и был произведен в чин коллежского регистратора. Оставив государственную службу в 1824 г., он поступил в управляющие помещичьего имения в селе Семендяево, а к концу жизни перешел в село Ждимер Болховского уезда управлять другим имением. Умер И.Т. Бабухин в 1852 г., когда младшему сыну Александру было 25 лет.

И.Т. Бабухин увлекался поэзией и, как рассказывал впоследствии Александр Иванович, даже пробовал в ней свои силы. Семья была даровита. Один из братьев с отличием окончил физико-математический факультет Университета, другой стал художником. Детство Александра Бабухина протекало в деревне. Игра с деревенской детворой, прогулки в лесу, купание, поездки с отцом по полям заполняли все время мальчика. Семья была малосостоятельна. И так как обучение старших детей поглощало почти весь заработок Ивана Тимофеевича, то с младшим сыном Александром он занимался сам. Вероятно, по той же причине мальчик сравнительно поздно поступил в гимназию. Лишь в 1840 г. он был отправлен в г. Орёл к своей старшей сестре и здесь, выдержав вступительные экзамены, был принят в губернскую гимназию.

Учение давалось ему легко. В подтверждение этого В.П. Бобылев обнаружил в Орловском областном архиве “Ведомость об успехах и поведении учеников 4 класса Орловской губернской гимназии по части латинского языка” за декабрь 1844 г. В списке из 23 человек Бабухин значится вторым и по успехам только на один балл уступает гимназисту Якушкину. Окончив Орловскую гимназию в 1848 году, Бабухин выбирает математический факультет Московского университета. Однако в ноябре 1849 года в связи с болезнью он оставил Университет и только в 1855 г. продолжил свое образование, но теперь уже на медицинском факультете, который закончил с отличием в 1859 г. и был оставлен на кафедре физиологии и сравнительной анатомии для написания докторской диссертации (кандидатской тогда не было).

Жить в Москве без отцовской поддержки было трудно. Вот несколько выдержек из монографии А.И. Метелкина и соавт. об этом периоде жизни Бабухина. “Тех небольших денег, которые могла присылать ему сестра, не хватало даже на самое необходимое. Много лет спустя, вспоминая эти годы, Александр Иванович рассказывал, что наиболее мучительными для него были суровые зимы. Квартиры, на которых он жил, были бедными и холодными. Денег на дрова не хватало. В комнате замерзала вода, и ветер продувал её насквозь от окон до дверей. Теплой одежды не было, и заниматься приходилось, закутавшись в одеяло. Обед и случайная папироса были роскошью”. В университете он не занимал никакой должности, работа на кафедре физиологии рассматривалась как добровольные занятия по подготовке диссертации. Не имея собственных средств, Александр Иванович вел почти нищенское существование. Он жил в эти годы у Сокольнической заставы у сторожа, который временами подкармливал своего постояльца. Денег не хватало даже на самое необходимое. Приходилось голодать, мерзнуть и работать с раннего утра до позднего вечера. Какой любовью и верой в науку должен был обладать Бабухин, сколько нужно было иметь силы, выдержки и упорства, чтобы предпочесть крайнюю нужду и труд в избранной области более или менее обеспеченной жизни казенного лекаря!

На подготовку диссертации “Об отношении блуждающих нервов к сердцу” ушло менее 3 лет, и в декабре 1862 г. она была успешно защищена. Защиту новоиспеченный доктор медицины отметил “с особенной торжественностью” – на 5 копеек купил кусок печенки и хлеба. Через 2 недели А.И. Бабухин был командирован для продолжения образования в Германию, теперь уже в области увлекшей его гистологии. В Москву Александр Иванович вернулся 1 октября 1865 г. убежденным и подготовленным гистологом, однако буквально через 2 недели (16 октября) его единодушно избрали экстраординарным профессором (в связи со смертью проф. П.П. Эйнбротта открылась вакансия) по кафедре физиологии. С этого времени началась и до конца жизни продолжалась его 26-летняя научная и педагогическая работа на благо России.

Преподавая физиологию, но увлекаясь гистологией, А.И. Бабухин начал интенсивно создавать свою лабораторию, которую он скромно именовал “гистологическим кабинетом”. Кстати, под таким названием лаборатория существовала, пока медицинский факультет оставался в составе МГУ им. М.В. Ломоносова.

Интерес к гистологии, который нарастал с каждым годом, побудил Бабухина обратиться к Совету университета с просьбой об освобождении его от заведования кафедрой физиологии с тем, чтобы самому возглавить кафедру гистологии. Это предложение было принято, и 20 сентября 1869 года А.И. Бабухина утвердили ординарным профессором кафедры гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии.

Эта дата, видимо, и должна считаться датой основания кафедры гистологии в Московском университете. Однако с ней не обошлось без казусов. Проф. В.Г. Елисеев отпраздновал 100-летие кафедры в 1964 г., по поводу чего бывший сотрудник кафедры, соавтор монографии о Бабухине проф. И.А. Алов прислал телеграмму, в которой поздравил коллектив кафедры с 95-летием. Оправдывая неточность своего учителя, Ю.И. Афанасьев в 1990 г. в докладе на Юбилейной конференции 1 ММИ им. И.М. Сеченова (конференция была посвящена 60-летию отделения медицинского факультета от МГУ) утверждал, что датой основания кафедры следует считать 1864 г. на том основании, что 28 ноября 1864 г. Ученый совет Университета утвердил заочно А.И. Бабухина (он в это время обучался за границей) в звании и должности доцента по кафедре гистологии.

Тут я не согласился бы со своим учителем. Самостоятельные университетские кафедры гистологии и эмбриологии начали утверждать в России в соответствии с Уставом 1863 г. Утвердить в должности доцента - еще не означает создать кафедру, и проф. И.А. Алов скорее всего был прав.

К такому же заключению приходит известный специалист по истории медицины проф. Н.Б. Коростелев (Газета "Медицинская Академия", 2000, № 3, с.7.), который пишет: "С именем А.И. Бабухина связано основание кафедры гистологии. Чаще всего называют 1864 или 1865 год. Но точно ли это? Обратимся к трем датам. 1864 год - избрание А.И. Бабухина на должность доцента кафедры гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии. 1865 год - избрание А.И. Бабухина экстраординарным профессором кафедры физиологии. 1869 год - избрание А.И. Бабухина ординарным профессором кафедры гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии на факультете. Исходя из сказанного, полагаю, что основанием кафедры следует считать 20 сентября 1869 г."

Бабухин продиктовал конспект своих лекций, по которому студенты 1872 – 73 уч. года могли готовиться к экзамену, и который был издан литографическим путем. В 1890 г. он приступил к работе над большим руководством по общей и частной гистологии. Этот труд остался незавершенным, а написанные главы не сохранились. Учебная же программа по курсу гистологии, составленная Бабухиным в 1880/81 учебном году, сохраняет свои основные черты и в настоящее время. Преподавание гистологии строилось Бабухиным на основе связи ее со смежными дисциплинами. Гистология, по мнению А.И. Бабухина, "не есть одно мертвое описание форм и форменных отношений, какой она часто является в учебниках, - она есть одна из основных биологических дисциплин, самым тесным образом связанная со всеми остальными дисциплинами естествознания – химией, физикой и физиологией".

Обладая огромной эрудицией и исключительным педагогическим талантом, Бабухин становится популярным профессором Московского университета. Каждая его лекция была событием и собирала большую аудиторию. Владея глубокими и разносторонними знаниями, он умел необыкновенно ясно и просто излагать самые сложные вопросы и на лекциях целиком завладевал аудиторией, оставляя неизгладимое впечатление у слушателей.

Со студентами А.И. Бабухин был академичен, не льстил им и не бил на популярность. Но часто повторял, что преподаватель должен любить не только науку, но и людей, ей обучающихся. Отмечал: "Студенты - это младшие товарищи по науке, и к ним нужно относиться по-товарищески. Делитесь с ними сомнениями и предложениями. Не старайтесь скрывать нерешенные вопросы или сглаживать их не слишком обоснованными теориями. Правильно сформулированные вопросы имеют значительно большую цену, чем самые блестящие гипотезы, потому что они будят мысль и заставляют думать над своим решением. Они учат молодежь критически относиться к науке".

О личной жизни А.И. Бабухина известно мало, да он видимо и не считал её для себя столь важной, если женился в 40 лет. А.И. Метелкин и соавт., ссылаясь на архивные данные, сообщают, что на отпускном билете, выданном для поездки в Рязань, они обнаружили следующую запись: "Означенный на сем билете Александр Иванович Бабухин вступил в законный брак с дочерью умершего поручика Павла Васильевича Боголюбского (по другим данным – Белолипецкого) Павлой Павловной. Брак сей записан в приходской города Рязани Староямской Николаевской церкви, в книге под № 4 мая 10 дня 1867 г. ... священником Александром Аветинским". От брака с Павлой Павловной у А.И. Бабухина детей не было.

Несколько строк воспоминаний об этой паре оставила Софья Ивановна Огнева, супруга ученика и последователя Александра Ивановича И.Ф. Огнева:

"У Бабухина была жена, Павла Павловна. Это была необычайного роста и толщины дама, запуганная, жалкая и вместе с тем очень образованная, знавшая иностранные языки настолько, что могла без запинки читать своему мужу по-русски любую книгу, написанную по-французски, по-немецки, по-английски и по-итальянски. Когда уже после смерти Бабухина, я с нею познакомилась, она мне рассказала кое-какие эпизоды из того времени, когда она была его невестой. Я особенно запомнила один рассказ. Бабухин, только что сделанный экстраординарным профессором, пользовался казенной квартирой. У него была одна комната. Как-то раз к нему вечером зашла его невеста – вероятно они собирались вместе читать. Не успела она войти к нему, в дверь раздался стук, и к Бабухину явился Григорий Антонович Захарьин. Бабухин успел шепнуть своей невесте: «Паша, прячься за печку и ничем не выдавай своего присутствия». Она в точности исполнила повеление своего жениха, спрятавшись между печкой и вешалкой с платьями, и целый вечер, пока сидел Захарьин, а сидел он долго, стояла, притаившись и дрожа от страха, как бы неловкое движение не выдало её, боялась кашлянуть, чихнуть, словом, когда удалился Захарьин, она вышла из своей засады полумертвая от страха и усталости". (Цитир. по: С.И. Огнев. И.Ф. Огнев, М., МОИП, 1948, 139 с.).

Скончался А.И. Бабухин 23 мая 1891 г. Вспоминает И.Ф. Огнев: "Был уже поздний ночной час. Неожиданно послышался чей-то встревоженный голос; то явился служитель Григорий из гистологического кабинета. – «Что случилось?» «Александр Иванович скончался, вас просили сейчас же прийти на квартиру».

По словам жены Бабухина, муж ее уже несколько дней лежал на постели в своей деревянной клетушке, отгороженной от комнаты, никого не звал, и к нему боялись войти. В конце концов, решились и увидели его умирающим. Послали за Ф.П. Шереметьевским (*зав. каф. физиологии – В.Н.*), но, когда он пришел, Бабухин уже умер. Тело вынесли в залу, положили на стол и прибрали".

А.И. Бабухина похоронили при большом скоплении народа. Вот как описывают эти похороны, ссылаясь на целый ряд документов, А.И. Метелкин и соавторы:

"В течение последующих нескольких дней московские газеты помещали подробные некрологи и воспоминания о замечательном исследователе и педагоге. Похороны его превратились в огромную манифестацию. Несмотря на плохую погоду в день похорон, 26 мая, когда выпал небывало крупный град, собралось огромное количество студентов. Они несли гроб своего учителя на руках. Похоронная процессия растянулась на полкилометра, а вдоль университетских зданий на Моховой улице, на всем протяжении Каменного моста, Полянки и Серпуховской улицы стояли тол-

пы народа. В течение двух часов студенты, ученики и товарищи А.И. Бабухина сопровождали тело его в последнем пути на кладбище Данилова монастыря. Прощальные речи у могилы произнесены были В.Ф. Снегиревым и Н.П. Викторовым. Первая из них настолько восстанавливает в законченном виде облик покойного Александра Ивановича, что мы приводим её почти полностью:

«Умер Бабухин... Какая огромная, незаменимая потеря не только для Московского университета, но и для всей Руси, ибо вся жизнь этого человека может быть выражена в двух словах: талант и труд! Эти два условия так благоприятно сочетались в Александре Ивановиче, что дают нам право сказать: мы хороним сегодня гениального человека!... Ни на один миг нельзя себе представить Александра Ивановича вне науки. Он любил ее, и она отвечала ему, и жизнь их была нераздельна. Весь строй его духовных способностей был воспитан, образован и усовершенствован на истинах науки. Анализ и критика составляли основную черту его умственных способностей. При обсуждении и решении научных вопросов обширная эрудиция и точно развитая память позволяли ему умерять свойственные его натуре горячность и страстность. Воображение и фантазия, коими он был богато одарен, облегчали ему построение новых и плодотворных научных гипотез. Своеобразие речи, обилие сравнений, русский народный юмор обуславливали художественную пластичность его изложения, которая благодаря научной опытности и здравому смыслу всегда оставалась строго реальной и точной. Трогательное сердечное отношение к учащейся молодежи, строгое отношение к званию профессора, тонкое чутье и деликатная отзывчивость ко всякому проблеску мысли составляли его отличительные свойства. В этом и заключалась удивительная сила его обаяния! При немощи физической всю жизнь он посвятил науке, русскому народу и Московскому университету. Много дал и ничего не взял. Позвольте же мне здесь при незакрытой еще могиле сказать последнее слово Александру Ивановичу, великому сыну великой Русской семьи. Русь – мать тебе земно кланяется».

На гранитном памятнике Бабухину был укреплен бронзовый барельеф с изображением трех книг и сконструированного им микроскопа. На книгах надписи: «Физиология», «Гистология» и «Бактериология». При ликвидации кладбища Данилова монастыря в 30-х годах XX века была сделана попытка сохранить барельеф для Кабинета по истории микроскопа при Академии Наук СССР. Выполнить это, к сожалению, не удалось: когда было получено разрешение на снятие барельефа, он уже был украден.

В 1893 г. в Гистологическом институте Московского университета на средства учеников установлен бюст Александра Ивановича. После революции имя проф. А.И. Бабухина было присвоено Старо-Екатерининской больнице в Москве.

Родина гистологии – Германия. Бабухин первым перенял, привез и внедрил в России лучшие традиции в этой области знаний. И это признавали сами немцы: «Бабухин – это отменный русский исследователь» (Э.Дюбуа-Реймон, Германия). Наиболее выдающимися учениками, развившими дело своего учителя до создания Московской школы гистологов, были А.Ф. Шнайдер, Н.А. Арсеньев, В.К. Фогель, И.Ф. Огнев, П.И. Митрофанов, В.М. Шимкевич, А.А. Колосов, Д.Н. Зернов. В гистологическом кабинете работали будущие выдающиеся клиницисты А.А. Остроумов, В.Ф. Снегирев, Г.А. Захарьин и др. «Наука была его жизнью, и жизнь его была для науки» (проф. В.Ф. Снегирев). «Бабухин – это талант, сила, свет и красота нашего университета» (проф. Г.А. Захарьин). Это далеко не исчерпывающий перечень отзывов современников о великом орловце, русском ученом 60 - 90-х годов XIX века.

УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

Рассказ о А.И. Бабухине как ученом и педагоге я хочу построить на оценках его деятельности, которую дали Ю.И. Афанасьев, М.А. Барон и Г.А. Колосов. Выбор не случаен. Ю.И. Афанасьев возглавлял бабухинскую кафедру на протяжении 30 лет. В его бумагах я нашел рукопись, положенную в основу последнего очерка о А.И. Бабухине, который был напечатан в соавторстве с И.А. Аловым и Я.Е. Хесиным в “Архиве анатомии, гистологии и эмбриологии” в 1977 г. в связи с празднованием 150-летия со дня рождения корифея. Юлий Иванович интересовался историей гистологии с аспирантских лет. Сохранилась его первая рукопись по истории кафедры от 1953 г. с указанием машинистке “В 4-х экз., В.Г. Елисеев”. Профессора И.А. Алов и Я.Е. Хесин работали на этой кафедре и вместе с А.И. Метелкиным выпустили уже упоминавшуюся монографию о А.И. Бабухине, которая на сегодня остается самой обстоятельной книгой о нашем земляке. Книга получилась теплой и немножечко грустной. Мало кому известно, что Алов и Хесин в 1953 г. были изгнаны с кафедры вместе с её заведующим и другими сотрудниками в связи со сталинским антисемитским погромом. В 1968 г. в письме к Ю.И. Афанасьеву Яков Ефимович писал: “Договор на эту книгу был заключен, когда И.А. Алов и я еще работали на кафедре, а писали мы ее в те дни, когда висели между небом и землей, числясь на кафедре и нигде не работая”. В 1975 г. Я.Е. Хесин опубликовал статью о Бабухине в Большой медицинской энциклопедии. Проф. М.А. Барон, заведовавший каф. гистологии в 1 Московском медицинском институте им. И.М. Сеченова (правоприемницей бабухинской кафедры) с 1932 по 1952 годы, вместе со своим сотрудником Г.М. Печерским в 1940 г. в юбилейном институтском сборнике опубликовал статью по истории кафедры, где ряд страниц был отведен А.И. Бабухину. Проф. Г.А. Колосов, сын (не точно) ученика Александра Ивановича проф. А.А. Колосова, опубликовал в 1949 году первый обстоятельный очерк под названием “Профессор Александр Иванович Бабухин”.

И.А. Алов, Ю.И. Афанасьев, Я.Е. Хесин. Александр Иванович Бабухин — ученый с мировым именем, внесший ценный вклад в развитие гистологии, физиологии и бактериологии. Убежденный диалектик, яркий полемист и прекрасный педагог, хороший организатор и общественный деятель, он был кумиром молодежи и гордостью Московского университета. Но деятельность А.И. Бабухина не замыкалась в рамках университета. Достаточно сказать, что научные труды этого одаренного ученого обратили на себя внимание не только в нашей стране. Именно поэтому в 1868 году одним из первых русских ученых он был приглашен венским гистологом С.Штриккером принять участие в составлении двухтомного руководства по гистологии, а модель микроскопа, разработанная А.И. Бабухиным, которая выпускалась в 80-х годах прошлого столетия лучшими в то время оптическими фирмами Гартнака и Цейсса, хорошо известна в мире. В 1859 г. А.И. Бабухин с отличием окончил Московский университет, получил аттестат на звание лекаря и остался при кафедре физиологии и сравнительной анатомии, где под руководством проф. П.П. Эйнбротта защитил диссертацию на ученую степень доктора медицины.

В начале 1862 года по инициативе Н.И. Пирогова в университете начали подбирать кандидатов для подготовки за рубежом к профессорскому званию. В их числе был и Александр Бабухин, командированный для изучения физиологии и микрографии. В январе 1863 г. А.И. Бабухин отправился в Вюрцбург. Здесь он прослушал курсы эмбриологии Келликера, сравнительной гистологии Эберта и практической гистологии Мюллера.

Упорная неустанная работа и неисчерпаемая энергия дали возможность Бабухину плодотворно использовать годы своей научной командировки. В конце 1863 года он закончил работу «Материалы к истории развития глаза, особенно сетчатки», сразу же составившую имя молодому исследователю. В течение 1864 года Бабухин работал в Лейпцигской лаборатории Людвига и в Вене у Брюкке. В 1864—1865 годах он опубликовал две новые работы, посвященные строению сетчатки у некоторых видов улиток. С осени 1865 г. А.И. Бабухин начал работать в Московском университете на медицинском факультете.

Бабухин выдвинул принцип взаимообусловленности формы, функции и развития. Изучение функции и формирование микроскопических структур становится главной задачей созданной им школы. Это направление легло в основу развития современной гистофизиологии. Особенности направления гистологической школы Бабухина в значительной степени определялись его ранними физиологическими исследованиями. Он пришел в гистологию, вооруженный опытом физиологического анализа и синтеза, в совершенстве владея искусством эксперимента и методами лабораторного анализа.

Исследования Бабухина в области физиологии и экспериментальной фармакологии относятся к наиболее раннему периоду его творчества. В течение двух с половиной лет после окончания университета им были выполнены три исследования, посвященные физиологии сердечной мышцы, действию некоторых ядов на нервную систему и нервной регуляции сердечной деятельности. Несмотря на ограниченное число и кратковременный характер проведенных опытов, эти исследования интересны не только как пролог к его деятельности в области гистофизиологии. Положения, выдвинутые Бабухиным, были развиты им затем в более поздних работах.

А.И. Бабухин при раздражении сердца сильным индукционным током получил впервые его остановку в фазе систолы и, исходя из этих наблюдений, высказал предположение о принципиальной возможности получить тетаническое сокращение мышцы. Как показали последующие исследования, это предположение оказалось справедливым. Сердечная мышца, обладающая длительной рефрактерной фазой, в отличие от скелетной, в физиологических условиях тетануса не дает. Однако при определенных условиях, изменяющих рефрактерную фазу сердечной мышцы, ее тетаническое сокращение возможно.

Исследование о тетаническом сокращении сердца было первоначально задумано как диссертационное, однако от продолжения темы Александр Иванович отказался и с осени 1860 г. приступил к изучению влияния аконитина, атропина, датурина и гиосциаминна на нервную систему. С этого времени отмечается глубокий интерес Бабухина к изучению нервной системы, который нашел впоследствии отражение и в его гистологических трудах. Опыты А.И. Бабухина показали, что аконитин парализует двигательные и чувствительные нервы и

периферические рецепторные аппараты. После поражения нервов возбудимость мышц сохраняется еще довольно долгое время. При введении более значительных доз аконитина развивалось расстройство дыхания и кровообращения и, наконец, полное прекращение сердечной деятельности. Внешний эффект отравления лягушек аконитином напоминал реакцию на введение кураре. Бабухин провел сравнительное изучение других алкалоидов. Ему удалось установить, что и атропин, и датурин также оказывают, подобно аконитину, наркотическое действие и вызывают общий паралич нервной системы. Отмечая сходство фармакодинамического действия на нервную систему, А.И. Бабухин рекомендовал в клинической практике вместо дорогого датурина применять дешевый и более сильно действующий атропин.

Его диссертация "Об отношении блуждающих нервов к сердцу" интересна не только своим блестящим критическим анализом. В начале 60-х годов, когда А.И. Бабухин начинал свои работы, вопрос о влиянии блуждающего нерва на ритм сердечных сокращений считался спорным. Опыты А.И. Бабухина впервые продемонстрировали отрицательный хромotropный эффект при раздражении блуждающих нервов и позволили опровергнуть основные возражения, которые выдвигались в этом направлении. Он показал, что слабые индукционные токи в тех границах, которые считались нужными для получения учащения сердечбиений, лежат ниже порога возбуждения и не оказывают влияния на блуждающие нервы. При постепенном увеличении силы раздражения возникает замедление сердечных сокращений без всяких промежуточных стадий. Для того, чтобы отвести ссылки на парадоксально быструю истощаемость блуждающих нервов, А.И. Бабухин прибегнул к опытам с постоянным током. Если торможение сердечбиений при раздражении блуждающих нервов индукционным током связано с их быстрым истощением и нарушением проводимости, то возбуждение аэлектротонуса должно было бы усиливать это парализующее влияние индукционного тока. Наоборот, катэлектротонус приводил бы к его ослаблению. Опыты, однако, дали обратные результаты: восходящий постоянный ток способствовал возбуждению деятельности даже остановившегося сердца, нисходящий - превращал едва заметное замедление ритма сердечных сокращений в полную остановку.

Придавая большое значение методу научного исследования, Бабухин впервые применил для изучения вопроса о влиянии блуждающего нерва на сердце графический способ регистрации сердечных сокращений, сконструировал два прибора – ритмограф и сфигмограф. Конструкция сфигмографа выгодно отличалась от более ранних аппаратов Гаррисона и допускала регистрацию пульса не только в эксперименте на животных, но и у человека. Для регистрации времени раздражения блуждающих нервов Бабухин сконструировал электромагнитный отметчик. Им были внесены значительные изменения в конструкции манометра и изобретена разборная канюля, дававшая возможность прочищать соединяющие системы. Это позволило значительно увеличить в эксперименте время регистрации кровяного давления, которое без этого приспособления ограничивалось быстрым свертыванием крови.

Первые гистологические исследования А.И. Бабухина проводились в период бурного развития этой науки и становления самостоятельных кафедр. Еще будучи на стажировке в Вюрцбурге, он выполнил оригинальные сравнительно-эмбриологические исследования органа зрения кур и лягушек и установил, что все элементы сетчатки возникают из внутренней пластинки вторичного глазного пузырька. Из наружной пластинки развивается только пигментный эпителий, который таким образом генетически связан в своем развитии не с сосудистой оболочкой глаза, как полагали до этого, а именно с сетчаткой. Гистологическая дифференцировка сетчатки начинается с обособления мюллеровских волокон и пограничных мембран. Им правильно расшифрована роль этих волокон как опорных структур сетчатки.

Излюбленным вопросом, которым А.И. Бабухин занимался более 20 лет, вплоть до своей смерти, был вопрос о развитии, строении и значении электрических и псевдоэлектрических органов рыб. Приходится удивляться тому, насколько точные и глубокие физиологические данные были получены Бабухиным при почти полном отсутствии у него физиологического оборудования. Достаточно сказать, что, не имея никаких специальных приборов для определения силы тока, производимого электрическим органом, он воспользовался в качестве своеобразного измерителя бедром лягушки, у которой он обнажал седалищный нерв и прикладывал к нему соединенные с электрическим органом рыбы электроды. Бабухин в своих опытах сумел открыть факт двустороннего проведения возбуждения по нервному волокну - феномен, который позднее получил название аксон-рефлекса.

Характеризуя А.И. Бабухина как ученого, следует сказать, что он быстро понял возможность применения микроскопа в развитии зарождающейся в 80-х годах прошлого столетия бактериологии. Он организовал при кафедре бактериологический кабинет, ставший научным и методическим центром. Из лаборатории Бабухина вышли исследования, касающиеся различных, преимущественно практических вопросов бактериологии, как например, изучение микрофлоры воздуха и воды, сравнительная оценка дезинфекционных средств, исследование бактерий пуповины, изучение микрофлоры оспенной вакцины, и др.

Одного из врачей, особенно интересовавшегося бактериологией, – А.И. Войтова Бабухин сделал своим помощником в этой области на кафедре. Вместе с Войтовым он произвел исследование причин и характера распространения сибирской язвы среди рабочих московской кожевенной промышленности, указав и на меры борьбы с этим заболеванием. Когда городская медицинская организация, встревоженная широким распространением инфекции, вынуждена была обратиться за помощью к Бабухину, он установил по историям болезней из московских больниц очаги сибирской язвы и бактериологическими исследованиями доказал связь инфекции с разными стадиями обработки кож.

Во время II-го Пироговского съезда врачей, проводившегося в Москве в январе 1887 г., А.И. Бабухин принял деятельное участие в организации специальной выставки по микроскопии, гистологической технике и бактериологии.

Позднее он убедил Московскую городскую управу выделить средства для устройства лаборатории, обязуясь за это предоставлять городским больницам бактериологическую помощь.

Педагогическая деятельность А.И. Бабухина составляет яркую страницу его биографии. Каждая лекция профессора была событием и собирала аудиторию. Александр Иванович с первых же дней своей деятельности широко развернул опытное преподавание предмета. На лекциях он систематически демонстрировал опыты над животными и обучал слушателей основным приемам экспериментального искусства. Много труда было вложено им в оборудование и оснащение кафедры. За 4 года, в течение которых Бабухин руководил кафедрой физиологии, ее материальная база увеличилась почти вдвое. В 1869 г. Александр Иванович полностью перешел на кафедру гистологии. Преподавание строилось на основе тесной связи ее со смежными дисциплинами и, прежде всего с физиологией, общей биологией и химией, так как он был глубоко убежден, что одно лишь описание формы и микроскопической структуры не может дать представление о живом организме. В своей преподавательской деятельности Бабухин исходил из принципа опытного изучения природы. «Не книжные знания, не пересказ заученных теорий, а лишь непосредственное изучение организма может дать точное представление о его строении и функциях. Часто, когда мы думаем, что уловили истину, непосредственное наблюдение открывает совершенно неожиданное противоречие». Убеждение в необходимости непосредственного изучения природы определило его скептическое отношение к учебникам. Поэтому не случайно, что, несмотря на двадцатипятилетнюю практику, Бабухин не написал ни одного руководства по гистологии. Когда его ученики и товарищи заговаривали о необходимости создания большого учебника, он обычно шуточно говорил, что учебники пишут или слишком молодые люди, которые еще ничего не знают, или слишком старые, которые уже все забыли. Лишь к концу жизни скептицизм Бабухина несколько поколебался. Убедившись в том, что для студенческих занятий совершенно необходимо хорошее руководство на русском языке, Бабухин приступил к составлению учебника. Первоначально учебник был задуман как краткое элементарное руководство, предназначенное для подготовки студентов к лекциям и практическим занятиям. Однако, приступив к этому труду, Бабухин изменил первоначальные планы и начал работу над большим руководством по общей и частной гистологии. К сожалению, труд остался незавершенным, а уже написанные главы не сохранились.

Я.А. Боткин, видный психиатр, в своих воспоминаниях писал о Бабухине: «Это был большой ученый с европейской известностью, большой человек по своему уму, оратор, редкий лектор, краса факультета и человек, страшный своим остроумием и сарказмом. Молодые и начинающие ученые тянулись к нему, как молодые побеги к солнцу, согревались его лучами и тоже трепетали, чтобы не попасть в плевелы. День экзаменов по гистологии был неприятен для многих только тем, что он был последним официальным днем общения с любимым учителем».

Вкладывая весь свой талант и разносторонние знания в преподавание своего предмета, Бабухин призывал молодежь к такому же честному и добросовестному отношению к своему делу. «Ход современной науки напоминает движение поезда, не терпящего промедления, - остается только не опоздать. Не теряйте даром дорогого студенческого времени. После не наверстаете того, что должны были здесь сделать и не сделали по собственной небрежности» (Архив Ю.И. Афанасьева на ФНПП "РЕТИНОИДЫ", с купюрами и мелкой правкой).

М.А. Барон, Г.М. Печерский. В 1862 г. Бабухин защитил диссертацию на тему «Об отношении блуждающего нерва к сердцу». О том, какие взгляды существовали по этому вопросу во времена Бабухина, свидетельствует приведенная ниже выдержка из его диссертации: «Толки о странности отправления блуждающих нервов сделались уже общим местом. Давно известно, какое разнообразное влияние оказывают они на большую часть важнейших органов: в одном месте они управляют химическим процессом, в другом – механикой органа. В одном возбуждают сокращение мускулов, в другом прекращают и т. д. Один профессор философии расширяет еще более круг их деятельности. Очень может быть, - учит он с кафедры, - что ясновидящие при помощи блуждающих нервов читают письма, приложенные ими подложечку. Дальнейшее развитие своей остроумной загадки почтенный мыслитель, вероятно, возьмет на себя. На долю физиологов останется еще много работы над другими отправлениями блуждающих нервов, которые изучены еще очень мало, хотя над разъяснениями их трудились целые поколения. Можно сказать, что ни один нерв не доставил столько хлопот науке, не возбуждал столько споров и разнообразных мнений, как блуждающий. Особенно загадочно его влияние на механизм дыхания и сердечных сокращений». Уже в этом раннем исследовании Бабухин проявил всю силу своего критического ума и экспериментального дарования.

Усилиями Бабухина была создана материальная база кафедры. В 1871 г. в годовом университетском отчете среди сведений, касающихся учебно-вспомогательных учреждений, говорится о гистологическом кабинете, в котором был уже 21 микроскоп и 61 таблица. Кабинет этот помещался в старом Лодеровском анатомическом театре, на том месте, где в настоящее время находится здание Физиологического института, в его левом крыле. В 1886 г. число микроскопов увеличилось до 52, а в 1891 г. до 62. С 1879 г. по 1889 г. в ежегодных отчетах в инвентаре указывается 525 гистологических и 56 эмбриологических препаратов, в том числе препараты Тирша, Гиртля, Стиды, Фрея, Гойера, Шейна и др. В 1880 г. была приобретена коллекция восковых эмбриологических моделей. Проф. Карпов говорил, что устроенный Бабухиным в Московском университете гистологический кабинет был прекрасно обставлен с оптической стороны и служил долгое время единственной в России школой научной микроскопии. (В кн.: 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. М.-Л., Медгиз, 1940, с. 80-88, с купюрами и мелкой правкой).

Г.А. Колосов. Первой темой его исследования послужило мало изученное онто- и филогенетическое развитие глаза, особенно сетчатки. Когда он приехал для работы над этой темой к знаменитому Мюллеру и познакомил его со своими стремлениями, Мюллер иронически отнесся к намерению молодого исследователя-иностранца, однако вынужден был уступить настояниям Бабухина. Работа вскоре дала такие результаты, что Мюллер, оставив свои опасения, представил ему все условия для плодотворной исследовательской работы. Напечатанный в Вюрцбургском научно-исследовательском журнале труд Бабухина получил лестные отзывы

германских ученых. По словам одного из современников, Мюллер говорил, что такого исследователя в его лаборатории еще не было. В этом же году была напечатана работа Бабухина о строении и развитии глаза, в частности, сетчатки, и о развитии хрусталика у зародыша, которая также получила высокую оценку и вошла в иностранные учебники по гистологии.

А.И. Бабухин обладал и большими организаторскими способностями. В его лаборатории все до мелочи было устроено по строго обдуманному плану. Как исследователь и научный деятель Бабухин отличался тщательностью и добросовестностью. Каждый вновь открытый факт он много раз проверял, прежде чем представить доклад в научном обществе или опубликовать работу. Известен случай, когда окончательно подготовленный к печати научный труд он уничтожил только потому, что усомнился в безусловной достоверности одного из выдвинутых положений. Такого же отношения к научной работе он требовал и от своих учеников и сотрудников. Он обладал не только незаурядным талантом, но и большой эрудицией, силой анализа, критическим умом и целеустремленностью. Эти качества привлекали к нему всех стремившихся к серьезным и глубоким знаниям.

Бабухин был замечательным лектором. Преподавание гистологии он поставил на такую высоту, какой она не достигала во многих университетах Западной Европы. В изложении многих ученых того времени гистология была хотя и детальным, но сухим описанием высших форм. В лекциях Бабухина она тесно соединялась с физиологией, биологией, эмбриологией и обращалась в богатую обобщениями биологическую дисциплину, захватывавшую слушателей. Каждая его лекция была глубоко продумана. Самые сложные вопросы он умел излагать удивительно просто и ясно. «С одинаковой ясностью и наглядностью, - говорил проф. Губарев, - он объяснял изменения светового луча при поляризации, развитие и окостенение хряща, строение сетчатой оболочки и др. Остроумные и резко выраженные сравнения рисовали целую картину, навсегда врезававшуюся в память». Способность рисовать живыми образами даже самые отвлеченные вещи доходила в нем до искусства. Он не загромождал своих лекций фактами, не гонялся, как тогда говорили, за хвостиками и ядрами, он учил наблюдать факты, критически к ним относиться, учил материалистическому мышлению, связанному с опытом. Он указывал пути, которыми человеческая мысль подходит к открытию строения клеток и органов, проникал в тайны природы. С неотразимой логикой, шаг за шагом, необыкновенно ясно и картинно он разрушал старые миражи и иллюзии. Он умело вставлял остроты, нередко полные сарказма, которые поднимали настроение аудитории. Впечатление усиливалось одухотворенным видом ученого. Лекции сопровождалась прекрасными, оригинально поставленными демонстрациями. Не удивительно, что аудитория Бабухина всегда была переполнена.

Как оценивали современники научно-воспитательную деятельность Бабухина, видно из некрологов и воспоминаний о нем. В одном из них сказано: «Вышедший из бедной семьи разночинца, он сумел добиться того, что стал одним из самых уважаемых и любимых профессоров своего времени. Очень талантливый ученый, прекрасный лектор, живой, чрезвычайно остроумный, он всегда умел коснуться в своих лекциях всевозможных предметов в самой увлекательной и интересной форме и умел вызывать оживление в аудитории и интерес к науке. Он обладал редким аналитическим умом и ярким критическим талантом». Некоторые современники отмечали в нем еще сочетание противоположностей, например, беспощадного скептицизма в науке с безмерной верой в ее могущество.

Вступительные лекции Бабухина всегда являлись событием в жизни университета. Он рассматривал в них различные философские вопросы, говорил о задачах и значении науки, о будущем человечества, грядущем царстве красоты и справедливости, которые создаст наука. В этих лекциях естествоиспытатель в полном смысле слова соединялся в нем с ненасытным фантазером. На эти лекции стремились студенты всех факультетов. Как говорили, на них шел воин, купец и пастух. По словам одного из слушателей, на лекции Бабухина не ходили, а стекались – сидели у подножия кафедры, на подоконниках, стояли в проходах, теснились у косяков и слушали. И как слушали! Слушавший их в качестве студента-медика впоследствии известный писатель А.Н. Будищев много лет спустя писал, что Бабухин не говорил, а жег сердца, одухотворял их новой жадью, наполняя их, как драгоценным вином, тоской о прекрасном. Он высказывал предположение, что грезы Чехова о будущей красоте и гармонии не что иное, как цветок, взлелеянный чистой душой Чехова из семян, заброшенных Бабухиным. Эти лекции выслушивались с напряженным вниманием и нередко приводили громадную аудиторию в энтузиазм. В других воспоминаниях Бабухин охарактеризован как прекрасный и организованный лектор, живой и чрезвычайно остроумный, всегда умевший вовремя коснуться всевозможных предметов в самой увлекательной и интересной форме, проявляющей редкий аналитический и критический талант. Поэтому его лекции нередко привлекали большое количество студентов и научных работников всех факультетов. Многие недоумевали, как лекции по такому специальному предмету, как гистология, могли собирать такую аудиторию, что все места и проходы были заняты до отказа. Трудно дать полную характеристику такой высоко одаренной и в то же время сложной и очень оригинальной личности, как Бабухин.

Широко известно, что А.И. Бабухин внес изменения в конструкцию микроскопа, однако ни один доступный источник до сих пор не давал нам точного представления о том, что же все-таки сделано Бабухиным. Недавно проф. С.Л. Кузнецов передал мне экземпляр редкой книги, ценность которой резко возрастает – она из личной библиотеки Бабухина и была передана кафедре гистологии Московского университета после смерти Александра Ивановича. Книга выпущена в 1889 г. в Германии, представляет собой каталог продукции фирмы и называется «Карл Цейсс. Оптические мастерские Йены. Микроскопы и приспособления к ним». В книге дается точное описание штатива Бабухина. Этот текст в переводе В.М. Поляченко с небольшим сокращением, как и рисунок из этого каталога, привести здесь будет вполне уместным.

Штатив Бабухина. Этот штатив, сконструированный по исходным данным московского профессора Бабухина, включен в ряд наших моделей.

Его конструктивные особенности состоят в следующем:

1. Осветительное устройство Abbe по конструкции в общем сходно с устройством, которое использовал Nаchet. Конденсорная система в оправе вставляется сверху в держатель, который винтом можно перемещать вниз, выдвинуть наружу влево и центрировать. Таким же образом удобнее всего заменять одну систему на другую, с другой апертурой, на цилиндровую диафрагму или поляризатор.

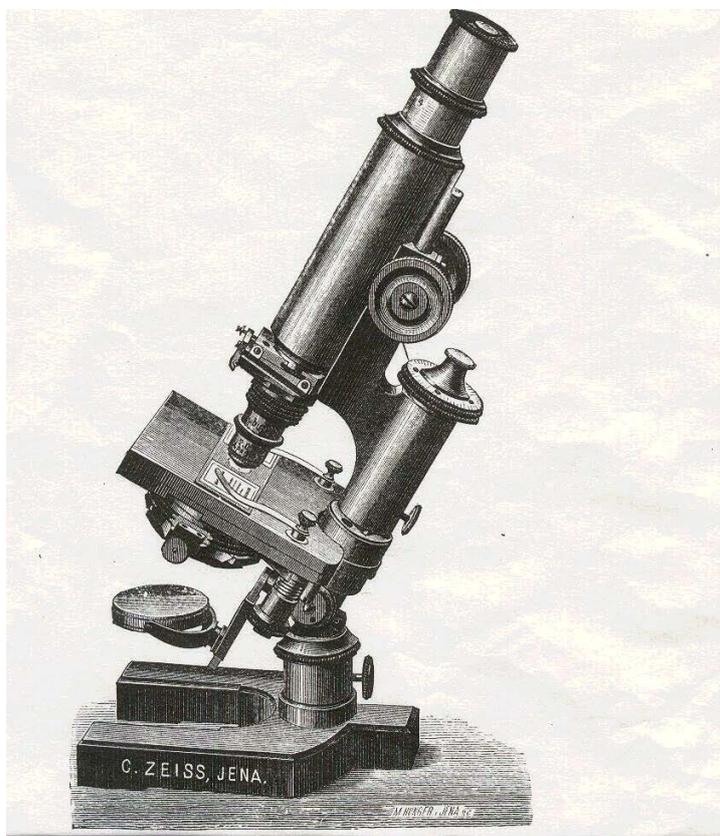
2. Под держателем конденсора расположена вращающаяся вокруг оптической оси каретка, в нее вставляется регулируемая зубчатой передачей ирисовая диафрагма. Когда требуется косое освещение, она эксцентрически смещается.

3. Движение осветительного устройства вдоль оптической оси выполняется с помощью находящегося слева на нижней стороне предметного столика винта, вращением которого достигается особая плавность и точность перемещения.

4. Необычно большое зеркало в подвижной оправе может передвигаться вверх и вниз в широких пределах и, кроме того, когда конденсорная система выдвинута наружу, зеркалу можно придавать любое косое положение.

5. Предметный столик жестко закреплен, размеры его достаточны для предметных стекол.

6. Вся верхняя часть штатива поддерживается стойкой с перекидным шарниром и может выдвигаться кверху по призматической направляющей, высота подъема фиксируется зажимным винтом. Такое устройство дает возможность: 1) придавать штативу как можно более согнутую форму, 2) при необходимости довольно значительно поднимать предметный столик и, соответственно, увеличивать общую высоту штатива, например, для работы с фотокамерой, для установки под предметным столиком более габаритных приборов и т.п.

Штатив А.И. Бабухина

До нашего времени дошло редкое издание, которое в сущности представляет собою аналог современного расписания учебных занятий. Вот его полный текст:

**Обозрение преподавания
на медицинском факультете Императорского Московского
Университета в осеннем полугодии 1888 года.**

Ординарный проф. *А.И. Бабухин*.

Гистология с демонстрацией препаратов (5 часов): вторник и суббота, 12-14 час и четверг, 11-12 час.

Совещательные часы: среда, 12-13 час (в гистологическом кабинете).

Пособия:

– *Kölliker. Gewebelehre. 5. Aufl.* (в подл. или пер. Ковалевского).

- *Toldt*. Lehrbuch der Gewebelehre, 2. Aufl., Wien, Braumuller.
- *Orth*. Cursus der normalen Histologie, Berlin, 1884 г. (или в русском переводе).
- *Stricker*. Handbuch der Gewebelehre, Leipzig.
- *Stohr*. Lehrbuch der Histologie.
- *Pouchet et Tourneaux*. Manuel d'histologie, Paris.

Проф. И. Фр. Огнев.

Практические упражнения по общей гистологии (занятия по группам, 9 часов): вторник, четверг и суббота, 14-17 час.

Совещательные часы: вторник, 11-12 час (в гистологическом кабинете).

Пособия:

- *Ranvier*. Traite technique d'histologie (русс. перев. Под ред. Тарханова).
- *Frey*. Das Mikroskop, 7. Aufl., Leipzig.
- *Thanhoffer*. Das Mikroskop, Wien.
- *Orth*. Cursus der normal. Histologie, Berlin, 1884г.
- *Bolles Lee et Heneguy*. Traite technique.

Из этого обзора можно представить, как А.И. Бабухин строил учебный процесс. В течение недели Александр Иванович сам читал 2 лекции по 2 часа и 1 лекцию – 1 час, иллюстрируя теоретический материал демонстрацией гистологических препаратов. Эта традиция прижилась, и сегодня ни одна лекция по гистологии не обходится без слайдов, сделанных с гистологических препаратов. Один раз в неделю в течение часа профессор консультировал студентов по всем вопросам, касающимся изучаемого предмета. Практические занятия вел проф. Огнев. На курсе обучалось около 100 студентов, которые были поделены на 3 группы. Каждая группа изучала гистологические препараты один раз в неделю в течение 3-х часов. И.Ф. Огнев, как и А.И. Бабухин, один раз в неделю в течение часа давал консультации по препаратам. Интересно отметить, что в это время по гистологии студентам рекомендовались 6 учебников, в основном немецких. Два из них – в русском переводе. Гистологическую технику студенты изучали по немецким и французским пособиям, один из которых был переведен на русский язык.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКОВ И СТУДЕНТОВ

До нас дошли небольшие воспоминания А.И.Войтова, И.Ф.Огнева и его супруги С.И.Огневой. Эти люди близко знали Бабухина, общались с ним и оставили дневниковые записи, в которых Бабухин встает перед нами в конкретных ситуациях, живым человеком. Александра Ивановича слушали несколько одаренных студентов, которые впоследствии не только послужили отечеству, но и написали мемуары, упомянув в них неординарного ординарного профессора - гистолога.

А.И. Войтов. Желая заняться изучением тончайшего строения организма, он обратился к знаменитому Мюллеру с просьбой уделить ему место в лаборатории. Нужно заметить, что молодые русские ученые, приезжавшие к современным европейским знаменитостям с целью изучить что-либо, встречали у последних нередко довольно холодный и высокомерный прием. Так и в описываемом случае Бабухин получил довольно резкий отказ, мотивированный тем, что лаборатория сильно переполнена работающими. Тогда Александр Иванович, увидав свободный угол стола, который принадлежал лично Мюллеру для его исследований, поставил туда свой микроскоп, сказав, что большего места он не требует и постарается не стеснять профессора своим присутствием. Тот, видя такую настойчивость и такое упорное желание заниматься, согласился на просьбу. Уже через несколько дней Александру Ивановичу удалось приготовить микроскопический препарат, который удивил весь персонал лаборатории совершенством своей техники. Дошел слух об этом и до Мюллера, который обратился с просьбой продемонстрировать этот препарат. Александр Иванович, вспомнив резкость приема и высокомерие, с которым его приняли, отвечал, что препарат действительно интересный, но что он сейчас не расположен его показывать. Этот ответ заставил Мюллера отнестись к молодому русскому ученому с должным уважением и послужил основанием для дружеских отношений, которые существовали впоследствии между ним и покойным профессором. (Медицина, 1891, № 25, с. 357-358, с мелкой правкой).

И.Ф. Огнев. Как-то в октябре 1875 г. служитель при гистологическом кабинете Амфилохий Баранов объявил студентам, что следующую лекцию будет читать не А.Ф. Шнейдер, а «сам Бабухин». Мы собрались в маленькую аудиторию, выходящую окнами на Никитскую, и весело галдели и болтали, сидя на партах, тесно и узко поставленных. Внезапно при входе со стороны кабинета показалась какая-то новая, нам неизвестная фигура, около которой что-то хлопотали Баранов и другие служители. Они снимали меховую шинель, сзади стояли ассистенты. В аудиторию к нам быстро вошел человек среднего роста, одетый в синее гладкое осеннее пальто, с шапочкой из черного шелка на голове. Лицо этого человека было очень строгое и умное, с небольшой бородой и усами, окаймлявшими тонкий, изящный рот. Несколько времени длилось полное молчание, потому что мы все сидели молча и сам профессор, очевидно волновавшийся, тоже молчал. По его лицу пробежала словно судорога. Он заговорил, наконец, и прочитал нам прекрасную лекцию о первичном зарождении. Чувствовалось, что перед нами совершенно незаурядный лектор, хорошо сознававший смысл рассказа и свое умение излагать. Очень довольные, мы усердно рукоплескали.

*

Во время экзаменов А.И. Бабухин, собрав весь курс в гистологической аудитории, объявил, что никого экзаменовывать не будет, а всем поставит удовлетворительно. Исключение представляют лишь докторанты, которых он проэкзаменует немедленно. После этого, очевидно соблюдая лишь декорум, Бабухин спросил меня о строении ретины, вопрос, на который, как было известно Бабухину, я отвечаю с полным знанием.

*

Мы решили, - объявил он мне, - оставить вас при кафедре гистологии для приготовления к профессорскому званию в качестве стипендиата университета. Вы много занимались по гистологии и обнаружили к ней способность и любовь. Вы должны рассказать мне о вашем имущественном положении. Нуждаетесь ли вы в средствах к жизни? Подумайте о вашем решении. Я представлю Вас в качестве стипендиата Университета. Таких лиц каждый год имеется только два, оба они получают по 600 рублей в год. Это конечно очень мало, но лучше, чем ничего. Не могу вам и в будущем обещать больших прибылей. Вы всю жизнь будете бедным и, когда умрете, то едва ли у вас будет больше денег, чем нужно для покупки гроба и могилы. У меня тоже ничего нет. Помните историю Креза и Ира? Мы с Захарыным постоянно смеемся друг над другом. Ему судьба определила быть Крезом, а мне нищим Иром. Иначе и быть не может на нашей службе в университете. Здесь большие деньги зарабатывают только одни практики.

*

Он объявил мне, что я буду заниматься гистологией глаза, но для этого я должен выдержать экзамен и притом серьезный и строгий. Помню, как я готовился к этому испытанию по немецкому руководству Г.Фрея. Бабухин спрашивал меня об устройстве ретины и нашел мой ответ вполне удовлетворительным. После этого я стал работать под непосредственным надзором знаменитого тогда профессора, сидя с ним в одной комнате. Бабухин указывал мне, как надо фиксировать сетчатку, резать её на мягкой деревянной дощечке острым скальпелем, отсекая очень тонкие ломтики. (С.И.Огнев. И.Ф.Огнев. МОИП., 1948, 139 с.).

*

Как-то раз, перечитывая воспоминания С.И. Огнева, на стр. 114 я обратил внимание на следующее место: «10 марта 1912 г. мой отец прочитал в большой аудитории Физического института публичную лекцию на тему «Профессор А.И. Бабухин и эпоха 60-70-х годов в Московском университете». Эта лекция прошла с огромным успехом и настолько понравилась студентам, что по их просьбе ее целиком напечатали в журнале «Студенческое дело». В журнале этом неоднократно и резко критиковалась политика Кассо (Л.А. Кассо – министр народного просвещения 1911–1917 г.г. - В.Н.), о чем знал, конечно, и сам министр. Вскоре через попечителя Московского

учебного округа А.А. Тихомирова последовал запрос Кассо, в котором разгневанный министр предписывал спросить профессора Огнева, считает ли он совместимым с долгом своей службы сотрудничество в социал-демократическом журнале?

С этого времени мой отец оказался на очень «дурном счету». Вскоре произошел инцидент, окончательно погубивший в глазах Кассо репутацию Ивана Флоровича. Зимой 1913 г., в годовщину смерти Л.Н. Толстого (8 ноября), студенты решили отметить этот день трауром и не пришли на лекции. Обычно лекции И.Ф. Огнева слушал не только весь курс, но приходили студенты и других курсов. В этот день в аудитории оказалось всего 3 – 4 человека, и лекция не состоялась.

Этим фактом воспользовался профессор-физиолог П.Г. Статкевич, ставленник Кассо, написавший донос, в котором сообщал, что проф. Огнев ведет среди студентов революционную пропаганду и, в частности, призывает их к забастовке и непосещению лекций в день годовщины смерти Л.Н. Толстого. Результатов долго ждать не пришлось". (И.Ф. Огнев был отстранен от заведования кафедрой и отправлен в отставку – В.Н.).

Т.А. Белоусовой (вед. науч. сотр. ФНПП "РЕТИНОИДЫ") удалось отыскать в старой библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова на Моховой ул. журнал "Студенческое Дело" за 1912 г. Но в наличии оказался только один номер с публикацией небольшого фрагмента воспоминаний И.Ф. Огнева. Текст этой публикации привожу полностью:

Студенческое дело № 2(9) 12 ноября /Москва-1912, стр. 45-46.

А.И. БАБУХИН И МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ 60-Х ГОДОВ ^{*)}

(Исторический очерк проф. И.Ф. Огнева)

Немцы в то время уже переводились в Московском университете, их было сравнительно мало, и держались они особняком от остальных членов университета. Чопорные, заносчивые, чуждые всем интересам русской жизни и общественности, в большинстве типичные чиновники, они имели очень малое влияние на студенческую молодежь, тем более, что в научном отношении они ровно ничем ни выдавались. Совсем иными были русские профессора, свои люди, простые, хотя и не всегда доступные. Вспоминая русских профессоров в Московском Университете того времени, А.И. Бабухин особенно тепло отзывался о Федоре Ивановиче Иноземцеве. Об этом замечательном человеке в Москве помнят ещё до сих пор. Как живой он выведен в одном из рассказов Алмазова. Небольшого роста, с острыми чертами живого умного лица, весьма подвижной и быстрый в своих движениях – таков он был по своей внешности. Облик его, повидимому, очень хорошо передан на бронзовом бюсте в Клинике. Живой, вечно увлекающийся своими научными изысканиями, Иноземцев имел огромное влияние на всех лиц, находившихся с ним в близком общении, тем более, что он отличался высоким благородством и редкой душевной добротой. Имея громадную практику врача-профессора, он оставался чуждым сребролюбю. На паре маленьких лошадок Иноземцев разъезжал по Москве, посещая в равной степени и лиц богатых, и совершенных бедняков. Часто прописывая бедному больному лекарство, Иноземцев оставлял и необходимые деньги для уплаты за него в аптеку. Главной работой Иноземцева являлась поддержка молодых талантливых людей, желавших серьезно посвятить себя науке. Поэтому его всегда окружала группа людей, окончивших университет, для приготовления к профессуре. В число командированных попал и Бабухин. Для этого в шестинедельный срок пришлось написать и защитить докторскую диссертацию, что было выполнено Бабухиным весьма успешно. По прибытии за границу, Бабухин представился Н.И. Пирогову, который рекомендовал ему по примеру Хрущевского (впоследствии известного профессора-физиолога в Киевском Университете) заняться изучением инъекций. Но у Бабухина были свои планы, и мыслью Н.И. Пирогова он воспользовался значительно позже. К слову сказать, последнее повело к забавному приключению с анатомом Тиршем, державшем в секрете рецепт своих инъекционных масс, обнародовать который и заставил его Бабухин.

Основавшись за границей, Бабухин с целью заняться новой тогда наукой – гистологией, отправляется к гениальному Генриху Мюллеру – ученику и ближайшему помощнику знаменитого, недавно умершего в очень глубокой старости, Келликера. – “Что же вы хотите сделать?” спрашивает знаменитый немецкий ученый явившегося к нему молодого русского Бабухина – “Хочу заняться изучением развития ретины” – ответил Бабухин. “Ого!..” воскликнул Мюллер, показывая этим всю трудность выполнения этой задачи. Следует заметить, что в то время гистология как наука только начинала развиваться. Сам Мюллер ещё производил свои первые исследования над сетчаткой. Поэтому и мысль Бабухина могла показаться ему не только смелой, но и в известной степени дерзкой. Однако ознакомившись с работой своего ученика, Мюллер изменил свое мнение.

(Продолжение следует)

^{*)} См. № 3-4, 5-6, 7, 1(8) “Студ. Дела”.

Жаль, что мы не имеем и не можем здесь привести полного текста воспоминаний И.Ф. Огнева. Может быть, в своих личных библиотеках кто-то из любопытных читателей обнаружит чудом после всех войн XX века

сохранившиеся номера “Студенческого Дела” за 1912 –13 гг. И мы сможем приоткрыть еще несколько страниц жизни А.И. Бабухина.

С.И. Огнева. Бабухина никто из посторонних никогда не видел. Он жил на университетском дворе, рядом со своей лабораторией, и никто не видел, как он туда являлся, и подсмотреть это при всем желании было невозможно. У него был нанят годовой извозчик, зимой – сани, летом – карета, в которой он ездил к себе в лабораторию. Его выводили из подъезда его квартиры под руки, покрытого с головой толстым пледом. Когда он подъезжал к кабинету, служитель, ожидавший его на крыльце, высаживал его, вводил в комнату и только тогда снимал покрывало.

*

Бабухин меня совсем не знал, никогда не видел даже, но не раз имел со мною заочно дело. Надо сказать, к женьище И.Ф. (Ивана Флоровича – В.Н.) он отнесся весьма сочувственно и даже сердечно, чем меня расположил в свою пользу. Он много раз обращался через И.Ф. ко мне с разными поручениями: то ему надо было передать мне на хранение получаемый из университета гонорар, причем он говорил мужу: «Отдайте вашей жене, пусть спрячет, и выдает мне деньги по мере надобности», то он присылал ко мне деловые бумаги с просьбой переписать их, и ссылался на то, что у его жены плохой почерк. Один раз в жизни мне пришлось его видеть и вот при каких обстоятельствах: я была в то время еще невестой. Помню, как один раз вечером, пришел И.Ф. и спросил меня, хочу ли я воспользоваться редким случаем увидеть Бабухина? Конечно, я немедленно изъявила согласие. В этот вечер он должен был публично выступить с чтением реферата в аудитории анатомического театра. Это было происшествие, настолько необычайное, что весть о нем привлекла массу публики, битком набившую аудиторию, расположенную амфитеатром. Перед кафедрой, на которой должен был появиться лектор, стоял стол, покрытый зеленым сукном. Места за столом заняли важные и знаменитые в то время профессора-клиницисты, обладающие громадной практикой, известные всей Москве. Тут были Захарьин, Кони, Остроумов, Шервинский, братья Каспари и другие светила науки.

Мне пришлось сидеть возле молодого тогда врача, позднее известного психиатра Минора, который, захлебываясь от удовольствия, объяснил мне настоящую причину выступления Бабухина. Бабухин работал над электрическими органами, находящимися у некоторых рыб: электрического ската, сома, угря, и для этого ездил в Египет. В самое недавнее время Минору попалась брошюра какого-то немца Вейля, осмелившегося написать возражение против работы Бабухина. В это время Минор только что окончил свою диссертацию, которую должен был представить на отзыв Бабухину. Тогда, взяв в один карман диссертацию, а в другой брошюру Вейля, Минор пошел к Бабухину и вручил ему одновременно и то, и другое. Бабухин света невзвидел от ярости. Исполненный благодарности за доставленный ему документ, он, не глядя, подписал диссертацию Минора, с Вейлем же решил расправиться по-своему; и вот это решение и собрало такую массу желающих видеть и слышать Бабухина.

Я с большим любопытством и нетерпением ждала появления его на эстраде. Послышался звонок, дверь, находившаяся в глубине за эстрадой, отворилась, и он вошел. Я не раз слыхала от И.Ф., что у Бабухина внешний вид очень изящен, тонок и благороден, но все-таки то, что я увидела, превзошло все ожидания. На эстраде появился человек среднего роста, одетый в прекрасного покроя драповое пальто, на голове его была черная шелковая шапочка, которая необыкновенно к нему шла. Широкий в плечах, стройный, с тонким, изящным, словно точеным лицом, с седой, довольно длинной, узкой бородой, красивыми глазами, умно и серьезно глядевшими из-под очков, с маленькими красивыми нервными руками. Выражение строгого серьезного лица напоминало образа святых угодников. Взойдя на кафедру, он обратился к многочисленной публике со словами, объясняющими, почему он сегодня выступает с речью.

«Передо мною сидят, - сказал он, - благородным красивым жестом указывая на стол, - мои коллеги – знаменитые врачи-практиканты, заслужившие справедливую славу и известность; но я глубоко убежден, что ни один из них не имеет даже самого элементарного понятия (знаменитости переглядываются и вертятся на стульях, с недоумением и смущением пожимают плечами), например, о составе крови, о строении клетки и тел». Затем он перешел к беспокоящей его брошюре, сказав, что только такой дурак, как Вейль, мог сказать то, что он в ней прочел. Мы слушали с изумлением, по временам нельзя было удержаться от невольного смеха, так остроумны и метки, хотя грубы и дерзки, были некоторые его замечания. В общем, он произвел скорее на всех благоприятное впечатление. (С.И. Огнева. Полвека моей жизни, рукопись).

Интересно отметить, что Софья Ивановна Огнева, оставившая нам столь яркий словесный портрет А.И. Бабухина, происходила из старой дворянской семьи орловских помещиков Киреевских, родственников известного славянофила И.В. Киреевского, друга К.С. Аксакова, Н.В. Станкевича и Т.Н. Грановского. В начале 80-х годов София Ивановна жила зимой в Москве со своей теткой Екатериной Александровной Потемкиной, а на весну и лето обычно уезжала в имение родителей – Ивановское, в Малоархангельский уезд Орловской губернии.

*

С.И. Мицкевич. Кафедру гистологии занимал профессор Александр Иванович Бабухин. Он первый в России поставил гистологию на большую научную высоту; его лаборатория славилась высотой и тонкой техникой исследования и стояла наряду с лучшими европейскими лабораториями; к нему приезжали учиться технике гистологических исследований из других университетов. Он усовершенствовал микроскоп и штатив, и германская фирма Гартнака сконструировала по его указанию новый штатив для микроскопа, получивший название бабухинского.

А.И. Бабухин был широко и всесторонне образованным человеком. Вводную лекцию свою он посвящал изложению материалистической философии естествознания и острой критике виталистических и вообще идеалистических систем. На эту лекцию приходили студенты со всех факультетов. Лекции его всегда были интересны, он критиковал необоснованные гипотезы, касался философских и злободневных тем. В тот год, когда

я его слушал, он был уже тяжело болен, нередко пропускал лекции, и тогда его заменял прозектор И.Ф. Огнев, вскоре – в 1891 г. – заменивший его на кафедре. По сравнению с А.И. Бабухиным это был лектор сухой и мало интересный.

В репликах А.И. Бабухина, касавшихся современных тем, чувствовались нотки скептицизма и пессимизма; мы объясняли это отчасти его тяжелой болезнью, отчасти влиянием атмосферы глухой политической реакции 80-х годов. В тот год, когда мы слушали А.И. Бабухина (1889), вышла повесть А.П. Чехова, тоже питомца нашего медицинского факультета, «Скучная история». Мне казалось, что он взял А.И. Бабухина прототипом героя этой повести – старого профессора, скептика и пессимиста. Впрочем, это мое субъективное впечатление. (С. И. Мицкевич. Записки врача-общественника (1888 – 1918), Изд. 2-е. М., Медицина, 1969, 239 с.)

*

Н.Ф. Филатов. В 80-х и 90-х годах прошлого столетия на медицинском факультете Московского Университета собрался блестящий коллектив профессоров. Кафедры и клиники возглавлялись первоклассными учеными, каждый из которых являлся крупнейшим специалистом в своей области. Жив был еще А.И. Бабухин, высокоталантливый русский гистолог, краса медицинского факультета. Как преподаватель он пользовался огромной популярностью. На первую его лекцию, посвящавшуюся обычно какому-либо общему вопросу из области естествознания и медицины, ежегодно сходились студенты всех факультетов и курсов. Я помню нашему курсу на первой лекции (1890г.) Бабухин, уже больной, говорил о высоком значении науки для прогресса человечества и с большим увлечением и жаром возражал Л.Н. Толстому по поводу его нападок на медицину. К сожалению, летом 1891 года он преждевременно скончался. (Выдающиеся деятели русской медицины. Н. Ф. ФИЛАТОВ, к столетию со дня рожд., 1847-1947, Гос. издат. лит. М., 1947, 91 с.)

*

Н.П. Виноградов. Те, кому довелось быть в числе его первых слушателей, живо помнят впечатление, произведенное появлением Александра Ивановича. Одаренный тонким, скептическим умом и громадной силой анализа, сын своего времени, воодушевленный страстным стремлением доискаться одной истины, простой или даже грубовато-естественный в изложении, он сразу покончил с витийственной и малосодержательной манерой некоторых из своих лучших московских учителей, чтобы предстать перед новой аудиторией во всеоружии новой европейской науки, не отступающей ни перед каким методом, ни перед каким исследованием. (Х.С. Коштыяц. «Очерки по истории физиологии в России», Изд. АН СССР, М., 1946, с. 170.)

*

В.Д. Шервинский. Мы тогда делали срезы для микроскопических исследований бритвой, и некоторые достигали в этом искусстве очень большого совершенства, что подчас возбуждало даже некоторую зависть. Появился в конце семидесятых годов микротом; он у нас в Москве встречен был недружелюбно, как что-то недостойное настоящего гистолога. Точно таким тоже было отношение к краскам. В них первое время видели только разнообразие в окраске, если угодно, своего рода красоту, но никто не предвидел их значение по отношению к распознаванию химических особенностей исследуемого объекта. Бабухин называл первое время Вейгерта красильных дел мастером. Суть дела предполагалась в ином, но вскоре всё, как известно, изменилось, и тот же Александр Иванович Бабухин, я помню, с восторгом показывал мне поражающий в то время оригинальностью зоинофильный лейкоцит. (В.Д. Шервинский. Воспоминания о прозектуре Старо-Екатерининской больницы. В сб.: Больница им. проф. А.И. Бабухина, бывшая Старо-Екатерининская, в Москве. М., 1929, с. 397-403)

Как видно, не все одинаково воспринимали Бабухина: и микротом он не принимал, и методы окраски. В этом отношении весьма примечательна публикация А.Г. Петровского “Из университетских воспоминаний старого врача” (Русские ведомости, 1907, № 12, с. 3-4.).

В ней автор ругает всех профессоров Университета и Бабухина тоже, правда чуть меньше, чем других. И буквально в следующем номере газеты последовала резкая отповедь осквернителю от известного историка науки:

По поводу “Университетских воспоминаний старого врача”

Во вчерашнем номере “Русских ведомостей” помещены воспоминания А.Г. Петровского, в которых приведены характеристики нескольких профессоров московского университета, преподававших в нем 30 с лишком лет тому назад. Позволяю себе остановиться на одной из характеристик, - посвященной А.И. Бабухину. Автор “воспоминаний” сам говорит, что он может сказать об этом “весьма талантливом” профессоре “очень мало”. Тем не менее это “малое” оказывается для покойного Бабухина очень существенным. “Проф. Бабухин был, по словам автора, представителем довольно многочисленного в России рода ученых, у которых талант соединяется с самодурством. Они обыкновенно с блеском начинают свою учёную карьеру, но затем как-то очень скоро выдыхаются, совершенно забрасывают науку и пробавляются одним чудачеством”. Во-первых, никоим образом нельзя согласиться, чтобы покойный Бабухин принадлежал к “довольно многочисленному в России роду учёных”. Напротив, он принадлежал к сравнительно малочисленному роду истинно талантливых и оригинальных деятелей науки, а в московском университете он был первым гистологом в современном смысле, первым, поставившим преподавание этой науки на должную высоту. Называть Бабухина “самодуром”, который скоро “выдохся”, “совершенно забросил науку” и “пробавлялся одним чудачеством”, по меньшей мере слишком смело. Бабухин, пока у него были силы, и сам работал, и других учил, и даже последние годы своей жизни, больной, истощенный, вечно зябнувший, сидевший на кафедре в шапке, тёплом платье и калошах, продолжал читать лекции, привлекавшие всегда массы студентов. Своими работами Бабухин составил себе имя в европейской науке, и немецкие ученые приглашали его к составлению отделов в издававшихся ими обширных руководствах, чего удостоивались весьма немногие русские учёные. Если Бабухин, может быть, и кажется “самодуром” для

некоторых из своих коллег, то ведь сам г-н Петровский дает не особенно-то лестные характеристики этим профессорам, относительно которых Бабухин тем более мог не скрывать своего мнения, но что он не считался “самодуром” у студентов, которые особенно усердно посещали его лекции, это всем известно. Бабухин пользовался среди студентов уважением и влиянием; однажды в разгаре одной студенческой “истории” Бабухин стал говорить с кафедры о поведении студентов и об их обязанностях, как готовящихся стать врачами; говорил он открыто, смело, резко, и тем не менее – многочисленная аудитория проводила его громкими и шумными знаками одобрения. Попробовали то же сделать некоторые другие профессора, и были встречены свистками и криками протеста. И это потому, что молодежь любила Бабухина, привыкла его уважать, увлекалась талантливостью его речи; конечно, она отнеслась бы к нему не так, если бы знала его только как “самодура” и “чудака”. Вообще расточать такие эпитеты по отношению к профессорам, подобным Бабухину, следовало бы, мне думается, с осторожностью. Память о Бабухине сохранится во всяком случае навсегда в истории московского университета как о выдающемся ученом и талантливом профессоре, с именем которого связана научная постановка на медицинском факультете одной из важнейших отраслей биологии. (Русские ведомости, 1907, № 13, 18 января, стр. 3.).

Д. Анучин

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА О БАБУХИНЕ

Первое прижизненное справочное упоминание имени проф. Бабухина из нами обнаруженных относится к 1885 году. Л.Ф. Змиев проделал феноменальную работу и в Петербурге опубликовал “Словарь врачей, получивших степень Доктора Медицины (и Хирургии) в Императорском Московском Университете до 1863 года”. Вот этот текст:

Бабухин, Александр Иванович, из дворян, р. 1835 в Орловск. губ. По окончании курса Орловск. гимн. и Моск.Универс. 1859 г., докторантом оставлен Прозект. при кафедре Физиологии. По защ. диссерт. на Д. М. 1862, послан за границу на 2 года, а по возвращении избран Эк. Ор. Профес. нормал. Гистологии и Эмбриологии в Моск. унив. в 1865.

Эта публикация примечательна тем, что здесь указано: Бабухин вышел из дворян. В изданиях советского периода это обычно не упоминалось. Но в этой публикации впервые указывается неверный год рождения (1835). В более поздних работах эта ошибка многократно повторялась. Из архивного документа, который помещен ниже, можно видеть, что Бабухин рожден в 1827 году.

Свидетельство

По Указу Его Императорского Величества, Дано сие свидетельство из Орловской Консистории, Коллежскому Регистратору Ивану Тимофееву сыну Бабухину по прошению его на случай определения сына его Александра по возрасту пять (шесть ?) ... в какое-либо Казенное училище в том: что в выданной Мценской округой села Семендяева от священноцерковнослужителей за 1827 год метрической книге рождения и крещения одного сына его Александра запискою значится так: Села Семендяева живущего в доме Александра Дмитриева Бобарыкина у коллежского регистратора Ивана Тимофеева Бабухина сын Александр родился тысяча восемьсот двадцать седьмого года марта шестнадцатого, а крещен двенадцатого числа. Восприемники были Титулованный Советник Александр Александров Бобарыкин и Города Орла купеческая дочь девица Матрона Дмитриевна Пастухова. Таинство совершал священник Лев Петров с пономарем Василием Ивановым. Января двадцать пятого дня тысяча восемьсот тридцать четвертого года. Священник Варлаам Виноградов.

У сего свидетельства
Орловской Духовной (печать)
Консистории печать

Небольшая статья о Бабухине помещена в 1т. Энциклопедического Медицинского словаря А.Вилларе. Словарь готовился при жизни Бабухина и вышел в свет в 1892 году. Автор делает акцент на выдающихся лекторских способностях Бабухина и повторяет ошибку Змиева относительно года рождения:

Бабухин, Александр Иванович (1835-1891). Кончил Московский Университет в 1859 г.; в 1862 г. защитил диссертацию «Об отношении блуждающего нерва к сердцу». В 1865 г. избран профессором гистологии. Бабухин пользовался славой выдающегося лектора и замечательного преподавателя. Печатные отзывы учеников Бабухина отличаются необычайной восторженностью. Кроме его диссертации, им написано на русском и немецком яз. много других работ, из которых самые главные относятся к исследованию электрических органов рыб. В учебнике гистологии Штриккера (русский пер. СПб. 1872) им написаны две главы: о хрусталике и об органе обоняния.

В 1898 году в Петербурге вышел известный и наиболее полный “Энциклопедический словарь Россия” Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона, в котором А.И. Бабухин упомянут как “специалист, своими трудами обращающий на себя внимание Европы” (стр. 766).

В советское время наиболее полное описание жизненного и творческого пути Бабухина дал Я.Е. Хесин, во 2-м томе Большой медицинской энциклопедии. (М., Изд. "Сов. Энци." – 1975, С. 442).

В этой статье приведены выверенные годы рождения и публикации наиболее крупных работ. Дан полный и объективный перечень заслуг А.И. Бабухина перед обществом. И несмотря на то, что год (1926) присвоения Старо-Екатерининской больницы имени проф. А.И. Бабухина является спорным, в целом, эта статья, несомненно, должна быть здесь приведена.

Бабухин Александр Иванович (1827-1891) - русский гистолог, один из основоположников московских школ гистофизиологов и бактериологов. В 1859 г. окончил мед. ф-т Московского ун-та и был оставлен на кафедре физиологии. Под руководством П.П.Эйнброта в 1862 г. защитил докт. диссертацию «Об отношении блуждающего нерва к сердцу». Работал в лабораториях европейских ученых – у Мюллера, Людвиг, Брюкке. В 1865 – 1869 гг. заведовал кафедрой физиологии Московского ун-та и одновременно читал курс гистологии. В 1869 г. после выделения гистологии в самостоятельную дисциплину избран профессором кафедры гистологии Московского ун-та, которой руководил до конца жизни.

Исследования А.И. Бабухина оказали большое влияние на развитие гистологии и физиологии нервно-мышечной системы. Он одним из первых описал нейрофибриллы в периферических нервных волокнах (1868), установил, что осевые цилиндры нервных волокон являются отростками нервных клеток (1869, 1876). Им обнаружен (1877) феномен *аксон-рефлекса* (см.), свидетельствующий о способности нервов проводить возбуждение в обоих направлениях.

Как ученый А.И. Бабухин пользовался мировым признанием. Им написаны главы о хрусталике и об органе обоняния для капитального руководства по гистологии, изданного в Германии Штриккером (1872); по его указанию фирма Гартнак, а впоследствии фирма Цейсс изготавливали микроскопы со штативами конструкции А.И. Бабухина (модель А-VIII). Он сконструировал нагревательный столик для прижизненных наблюдений (столик Бабухина – Шкляревского), оригинальный микротом и др.

В 1888 г. А.И. Бабухин организовал при руководимой им кафедре первую в Москве бактериологическую лабораторию, положившую начало московской школе бактериологов. Наряду с И.М. Сеченовым, С.П. Боткиным, И.И. Мечниковым и другими А.И. Бабухин способствовал утверждению в России материалистической философии в естествознании. Большая плеяда его учеников продолжала гистофизиологическое направление (И.Ф. Огнев, А.А. Колосов, Н.А. Арсеньев и др.). Под его руководством работали морфологи Д.Н. Зернов, В.М. Шимкевич, клиницисты Г.А. Захарьин, В.Ф. Снегирев, А.А. Остроумов, Л.С. Минор и др. В 1926 г. имя А.И. Бабухина присвоено городской клинической больнице № 24 в Москве.

Последней публикацией справочного характера можно считать справку о Бабухине, которую приводит Н.Б. Коростелев в книге «Некрополь медицинского факультета Московского Университета» (Москва, 1998 г.; печатается с разрешения Издателя).

БАБУХИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
/16.03.1827-23.05.1891//1859-1891/ Профессор гистологии

Окончил факультет в 1859 г. и был оставлен при кафедре физиологии и сравнительной анатомии. В 1863—1865 гг. прошел углубленное совершенствование в науках за рубежом. В 1865 г. — ЭОП кафедры физиологии, в 1869 г.- ОП кафедры гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии, которой руководил до кончины.

Открыл образование электрических органов рыб из эмбриональных мышечных клеток (1869), впервые доказал двухстороннее проведение возбуждения по нерву.

Докт. дисс. - "Об отношении блуждающего нерва к сердцу" (1862). Внес большой вклад в развитие гистологии и бактериологии на Факультете. Заслуженный профессор (1890). Основатель школы.

Похороны состоялись при огромном стечении народа на кладбище Данилова монастыря. Погребен на "участке", принадлежавшем его другу, проф. В.Ф. Снегиреву, против западных дверей Троицкой церкви.

На гранитном памятнике был укреплен бронзовый барельеф с изображением трех книг и сконструированного Бабухиным микроскопа. На книгах надписи: "Физиология", "Гистология", "Бактериология". В 30-е гг. шла ликвидация Данилова монастыря и уничтожение могил. Барельеф был украден, а каменную основу надгробия перевезли на кладбище Донского монастыря.

В таком обезображенном виде надгробие сохранилось и сейчас напротив большой ниши в монастырской стене. Останки ученого не были перенесены с кладбища Данилова монастыря, как и останки В.Ф. Снегирева.

Автор дает нам точные даты жизни Бабухина и годы его работы в Императорском Московском Университете.

Оказывается, Бабухин отдал Университету 32 года своей жизни.

Н.Б. Коростелев точно указывает место захоронения Бабухина и место, где сейчас находится его надгробие.

Особого внимания заслуживают Отчеты о состоянии и действиях Московского университета, публиковавшиеся в 1860, 1866 и в 1871 годах. Из этих Отчетов мы получаем точную информацию о том что Бабухин закончил Университет с отличием в 1859 году (вместе со знаменитым Н. Склифосовским) и был рекомендован к защите

докторской диссертации. В двух последних отчетах приведен “Именной список” ординарных профессоров Университета. Из этих источников можно видеть, что на 1 января 1867 года А.И. Бабухин занимал должность экстра-ординарного профессора, был выходцем из обер-офицерских детей, православного вероисповедания, 39-ти лет от роду (еще одно подтверждение того, что Бабухин родился в 1827 году) и семьи не имел. В учебной службе состоит с 1863 года, а в этой должности с 1865 г. Справка опровергает расхожие мнения о бедности А.И. Бабухина. В это время, как и другие экстра-ординарные профессора, он получал “жалованья – 1600 рублей.; столовых – 200 руб.; и квартирных – 200 руб.”.

В “Списке” от 1871 г. указано что Александр Бабухин уже является ординарным профессором, коллежским советником, имеет семейство, в этой должности с 1869 г. и получает жалования - 2400 рублей; столовые – 300 руб. и пользуется квартирой в Университете. Этим средствам Бабухину и его супруге должно было хватать для сравнительно безбедной жизни. К примеру, Н.Ф. Фон-Мекк давала П.И. Чайковскому в эти годы около 5000 рублей в год. На такие деньги великий композитор мог жить постоянно за границей, приезжая в Россию лишь ненадолго. А на содержание Московского Данилова монастыря, казна давала в год денежную сумму чуть больше 700 рублей.

В “Отчете Московского Университета” за 1892 г. был помещен некролог “Памяти А.И. Бабухина”, к сожалению, без подписи, в котором дана подробная характеристика преподавательской и научной деятельности А.И. Бабухина. Несомненным достоинством этой публикации является её достоверность. Судя по тексту, её автором был кто-то из учеников или сотрудников, кто лично хорошо знал ученого.

В тексте ошибочно указано, что Бабухин родился в дер. Ливенского уезда, хотя мы точно знаем по выписке из церковной книги, что Семендяево относилось к Мценской округе.

Эта ошибка перекочевала в “Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц” Д.Д. Языкова (Петербург, 1909 г.). Не будем останавливаться на том, почему гистолог Бабухин был отнесен к русским писателям. В небольшой статье упомянуто, за какую работу он был награжден золотой медалью. Достоинством этой работы является перечень публикаций о Бабухине до 1909 г.

Бабухин Александр Иванович ¹⁾, сын управляющего именем, родился 16 марта 1827 года, в деревне Мценского уезда, Орловской губернии; после домашнего воспитания учился в Орловской гимназии и в Московском Университете: сначала на математическом, а потом на медицинском факультете; окончил курс лекарей с отличием и с золотой медалью за сочинение: «De Strychnino et veratrino» (1859 г.). Состоял лаборантом при кафедре физиологии в Московском Университете, а после защиты докторской диссертации (1862 г.) и заграничной командировки (1862 – 1865 гг.) — профессором по кафедре гистологии и эмбриологии (1865 – 1891 гг.), одновременно читал лекции по физиологии в Петровской Земледельческой Академии; умер 23 мая в Москве и похоронен в Даниловом монастыре.

¹⁾ О нем *Отчеты* Московского Университета за 1859-1891 годы.-*Московский иллюстр. Календарь-альманах на 1887 год*, А.Пругавина, стр. 198-202.-*Словари* Брокгауза, Венгерова и Змиева.- Периодические издания 1891 года: *Больничная Газета Боткина*, № 22, стр. 592; *Врач*, № 23, стр. 564; *Московские Ведомости*, №№ 141, 142, 144; *Московский Листок*, № 146; *Новое Время*, №№ 5473 и 5477; *Русские Ведомости*, №№ 141 и 142.- «Памяти А.И. Бабухина» - приложение к «Отчету Московского Университета» (М. 1892 г., стр. 223-232).- *Библиографические Записки* 1892 г., № 1, стр. 32 (моя заметка).- *Русский Биографический Словарь*, Спб. 1900 г., т. II, стр. 388.

Статьи, опубликованные в “Энциклопедическом словаре братьев А. и И. Гракат”, в “Русском биографическом словаре” и в других аналогичных изданиях, новых сведений не добавляют. Но и то, что известно и здесь приведено, убеждает читателя в том, сколь одаренным, деятельным и плодотворным был этот неистовый орловец.

ПРОТОТИП ПОВЕСТИ ЧЕХОВА

Закончить эту небольшую работу об А.И. Бабухине хочется выдержкой из замечательных книг Н.Б. Коростелева об истории ММА им. И.М.Сеченова «Прогулки по клиническому городку» (М., Изд. ММА им. И.М. Сеченова, 1998, с. 69-74, с купюрами) и «Некрополь» (М., Изд. ММА им. И.М. Сеченова, 1998, с. 112, с купюрами). Печатается с разрешения Издателя. Проф. Н.Б. Коростелев лучше, чем кто-либо до него, сравнил личность Александра Ивановича с образом Николая Степановича – героя повести А.П. Чехова «Скучная история».

“Профессор гистологии М.А.Барон, блестящий лектор, говоря о А.И.Бабухине, прямо указывал, что Бабухин послужил прототипом героя повести «Скучная история». И я, тогда второкурсник (1950 г.), еще раз перечитал повесть. Мне стало очевидным, что именно на кафедре гистологии, со строгим полумраком, чистотой и порядком должен был царить Николай Степанович — Бабухин.

Интересно положить рядом чеховскую повесть и биографию Бабухина, и еще для справок десяток историко-медицинских и историко-литературных изданий и сравнить. Повесть написана в 1889 году и герою повести 62 года. В 1889 году Бабухину было 62 года. И Николай Степанович, и Бабухин заслуженные профессора, оба не написали учебников, оба морфологи, оба “бедны”, сходны во многом по характеру их ассистенты, служители кафедры и т.д. и т.п.

Мы знаем выдающиеся открытия А.И.Бабухина: образование электрических органов рыб из эмбриональных мышечных клеток, доказательства двустороннего проведения возбуждения по нерву; знаем его, т.е. Бабухина, роль в развитии бактериологии.

Мы не знаем точного предмета исследования Николая Степановича, но что они относятся к теоретической медицине - бесспорно. Я насчитал три десятка прямых аналогий и тождеств. Вот пример. Говорит Николай Степанович: "Как 20-30 лет назад, так и теперь перед смертью меня интересует одна только наука. Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука - самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви, и что только ею одною человек победит природу и себя". А вот, что говорил В.Ф.Снегирев о Бабухине: "Наука была его жизнью, и жизнь его была для науки, ни на минуту нельзя было его представить вне её. Он любил её, и она отвечала ему, и жизнь их была нераздельна". Эти высказывания разделяют два года. То, что Снегирев читал чеховскую повесть, у меня нет сомнений, Снегирев был близким другом Бабухина. Можно ли предположить, что повесть повлияла на речь Снегирева? Не думаю. Все дело в "родстве" персонажа и великого ученого.

Сравним еще два текста. Вот что говорит о себе Николай Степанович: "... с моим именем тесно связано понятие о человеке знаменитом, богато одаренном и несомненно полезном. Я трудолюбив, как лошадь, а это важно, и талантлив, а это еще важнее".

А как сам А.П. Чехов? Говорил ли он о прототипе Николая Степановича? Чехов - деликатный человек, чтобы это делать. К тому же Бабухин был еще жив, когда повесть была издана. Персонаж болен. Он сам говорит, что ему жить осталось полгода. Мог ли писатель-врач, особенно в таком случае, указать прототип? Кстати, Бабухин умер через полтора года. Если Бабухин - прототип (уже после смерти А.И. Бабухина Чехов в беседе с гостями сказал, что отдельные черты ученого им использованы), то почему Чехов называет Бабухина в одном ряду с Николаем Степановичем в следующем контексте: "В нашем обществе все сведения о мире ученых исчерпываются анекдотами о необыкновенной рассеянности старых профессоров и двумя-тремя остроумиями, которые приписываются то Груберу, то мне, то Бабухину". Перечитав еще раз эту фразу, у меня появляется догадка: Чехов специально "отводит" Николая Степановича от Бабухина. Догадка укрепляется, когда я сравниваю 2 текста. Почти карикатурно говорит Николай Степанович о своей внешности: "Голова и руки у меня трясутся от слабости: шея, как у одной тургеневской героини, похожа на ручку контрабаса, грудь впалая, спина узкая".

А вот, как описывает внешность Бабухина в 80-е годы жена гистолога И.Ф. Огнева: "широкий в плечах, стройный, с тонким, изящным, словно точеным лицом". Впрочем, из-за болезни облик Бабухина в последние годы жизни мог и измениться.

Как историк медицины я как будто в чем-то разобрался. Но пока еще касался, так сказать, внешней стороны дела. Но Николай Степанович говорит, или, точнее, сводит свои грустные рассуждения к некоей "общей идее". Что это за "общая идея"? И еще как врача, меня интересует, чем же обусловлены печальные мысли Николая Степановича - возрастом? А я старше его на шесть лет! Болезнями? Но, я не клиницист... Для того, чтобы были яснее вопросы, которые я сам себе задаю, приведу цитату из повести.

"...Я думаю, долго думаю и ничего не могу ещё придумать. И сколько бы я ни думал, и куда бы не разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного в моем пристрастии к науке, в моем желании жить, ... в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей или богом живого человека.

А коли нет этого, то значит, нет и ничего".

Если мы примем, что Николай Степанович - это обобщенный образ профессора, то, следовательно, очень важно осознать, что же такое - "общая идея", т.е. разобраться в сути дела.

Просматриваю десятки работ. Ортодоксальный, в свое время известный критик В. Ермилов в 1946 году отмечал, что в 1889 году, когда была создана "Скучная история", у Чехова была тоска по ясному общественному мировоззрению. Ермилов пишет, что "... призыв выйти из тесного круга обычной деятельности у Чехова был проникнут подлинным революционным настроением и смыслом".

Е.Б. Мене в книге "Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова" (1961) писал: "Николай Степанович - это олицетворение настоящей, беззаветной любви к науке. Но любить одну науку недостаточно. Для того, чтобы победить природу и создать для человека счастливую жизнь, необходимо могучее воздействие прогрессивных социальных идей, общих идей, как называл их Чехов."

Итак, общие идеи - социальные идеи. Абсолютно ли такое толкование? По совету профессора А.В. Недоступа смотрю, что говорил Б. Зайцев - замечательный писатель, тонкий психолог, увы, еще недостаточно известный и, следовательно, неочтенный у нас: "У него (т.е. Николая Степановича) есть только наивная вера в науку ("...она ведь всегда была и будет высшим проявлением любви") и "судьбы костного мозга интересуют" его "больше, чем конечная цель мироздания". Но вот и оказывается, что в некоем отношении все это ничего не дает, нет "общей идеи", говорит он. Общей идеи! Не лучше ли сказать - веры. Основой интуиции есть Бог, и мир создан не зря, все имеет цель и значение, и каждая жизнь, в достоинстве и благообразии, угодна Богу. Разгадать тайны мира мы не можем, но достойно служить обязаны. Только для этого надо и над наукой, и над искусством, над философией чувствовать нечто высшее. А одного костного мозга мало. Хорошо изучать его. Но нехорошо обожествлять, встречать с ним смерть трудно".

Отклоняясь несколько в сторону от основного предмета разговора, в подтверждение последней фразы Зайцева, приведу пример из дня сегодняшнего. Мой однокурсник и по сей день самый близкий друг заведует тяжелейшим неврологическим отделением. Раньше в отделении были четыре спившиеся с круга санитарки. Терпел заведующий. Других не было. Но вот отделение взяла под свою опеку церковная община. На смену четырем пьянчугам пришли 46(!) сердобольных женщин и мужчин. Жизнь отделения преобразилась,

выхаживание больных стало несравненно лучше. Важно и то, что безнадежные стали гораздо легче умирать, когда последние требы выполняли столь чтимые отец Димитрий (Смирнов) и отец Максим (Обухов). Но вернемся к состоянию Николая Степановича, его мыслям.

Николай Степанович говорит о тех переменах, которые произошли с ним: "Я стал не в меру строг, требователен, раздражителен, не любезен, подозрителен. ... Если новые мысли и новые чувства произошли от перемены убеждений, то откуда могла взяться эта перемена? Разве мир стал хуже, а я лучше, или раньше я был слеп и равнодушен. Если же эта перемена произошла от общего упадка физических и умственных сил — я ведь болен и каждый день теряю в весе, — то положение мое жалко: значит, мои новые мысли ненормальны, нездоровы, я должен стыдиться их и считать ничтожными... — Болезнь тут не причем, — перебивает меня Катя, — Просто у вас открылись глаза; вот и все. Вы увидели то, чего раньше почему-то не хотели замечать. По-моему, прежде всего Вам нужно окончательно порвать с семьей и уйти". Весьма категорично. А может быть все-таки все беды от... возраста? Или болезни? Какой?

Я обращаюсь с просьбой к проф. А.В. Недоступу, которого чуть как клинициста, человека мыслящего, религиозного, к тому же и весьма литературного: что же с Николаем Степановичем? Ответ проф. А.В. Недоступа, с его разрешения, привожу полностью.

"Соматическая болезнь Николая Степановича трудно определима (да, вероятно, Чехов и не имел в виду такую конкретизацию). Это могла быть опухоль (прогрессирующее исхудание, астения), обменная патология (сахарный диабет в доинсулиновую эру), болезнь почек (упоминание о белке и сахаре). Фоном является церебральный атеросклероз (нарушение памяти, тонкой умственной деятельности), хотя эту симптоматику может дать и интоксикация вследствие основного заболевания. Герой не стар, хотя Чехов и упоминает, что Николай Степанович старик, что вся картина душевной патологии вряд ли объяснима возрастом. Речь идет, скорее, об астенодепрессивном состоянии, вызванном болезнью (соматогенном), ожиданием смерти, семейным неблагополучием. Однако главное, наряду с соматическим заболеванием и душевной патологией — духовный кризис. Кризис, выраженный "прозрением" героя (неполным) перед лицом конца жизни, кризис, вызванный безбожием ученого и тонкого человека.

Несомненно экстраполяция мироощущения Чехова (правда, не в 62, а в 29 лет) на переживания Николая Степановича. Именно это, а не старость и не соматическая патология являются источником терзаний героя (Чехов и не стал бы живописать соматическую патологию или просто пресенильную депрессию). Другое дело, что страх смерти не чужд и религиозным людям (вспомним Христа в Гефсиманском саду!), но герой не столько боится смерти, сколько сильно мучается "отдельностью" своих желаний, их мелкостью, душевной анестезией, своим непривычным раздражением, неприятием людей. Совесть (Бог в душе человека) мучает его, но герой не осознает этого голоса Бога, зовущего его к себе, как и Чехов (будучи, как и Николай Степанович, в душе христианином чистейшей пробы), вероятно, вследствие общего упадка религиозного чувства в замороченных "передовыми идеями" интеллигентах XIX и XX веков. Трагедия Николая Степановича (и Чехова) — трагедия блудного сына перед концом жизни, так и не осознавшего, кто его Отец, где он, как к нему идти. При этом трагедия, усугубленная острым осознанием беды и невозможностью ее правильно определить".

Так ответил профессор А.В. Недоступ. Ответ глубокий, поразительно четкий и определенный, не терпящий двоякомыслия".

... Пришло другое время. Настал новый век. В Орле открылся Медицинский Институт, гистология как предмет в высшей медицинской школе теперь преподается на родине его создателя. Приближаются две даты — 110-летие со дня смерти А.И. Бабухина (2001 г.) и 180-летие со дня его рождения (2007 г.). Думаю, что память о Бабухине должна быть сохранена и увековечена в Орле.

Создающийся в Медицинском институте гистологический кабинет мог бы получить имя "Бабухинский", в городе - сооружен хотя бы небольшой памятник Бабухину, на одном из городских кладбищ можно воссоздать символическую могилу ученого с захоронением в ней земли из Свято-Данилова монастыря в Москве. На могиле можно было бы установить воссозданный или отреставрированный надгробный камень. Но по-настоящему живым памятником ученому могли бы стать Бабухинские чтения, проводимые ежегодно в Бабухинском кабинете в Орле в день его рождения, с изданием соответствующего небольшого сборника работ.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ А.И. БАБУХИНА

- 1827** – 16 марта в селе Семендяево Орловской губернии Мценского уезда родился Александр Иванович Бабухин.
- 1848** – Окончание А. И. Бабухиным губернской гимназии в г. Орле и поступление на математический факультет Императорского Московского Университета (август).
- 1849** – Увольнение из Университета по собственному желанию вследствие болезни.
- 1852** – Смерть отца и ухудшение материальных условий жизни семьи.
- 1854** – Поступление на медицинский факультет Императорского Московского Университета (август).
- 1859** – Окончание Университета со званием «лекаря с отличием» и с последующим оставлением на работу при кафедре физиологии и сравнительной анатомии.
- 1860** – Выполнение первой научно-исследовательской работы («Тетаническое сокращение сердца»).
- 1861** – Окончание второй научно-исследовательской работы («Физиологическое действие аконитина и некоторых других ядов»).
- 1862** – Постановление медицинского факультета о командировке А.И. Бабухина на 2 года за границу для подготовки к профессорскому званию с обязательством предварительной защиты докторской диссертации. Защита диссертации «Об отношении блуждающих нервов к сердцу» и утверждение в степени доктора медицины.
- 1863** – Командировка за границу по постановлению медицинского факультета. Пребывание за границей и работа в гистологических лабораториях (Гейдельберг, Вюрцбург, Лейпциг, Вена, Неаполь). Первый отчет о работе.
- 1864** – Пребывание за границей и опубликование работ о строении сетчатки глаза. Избрание Советом Императорского Московского Университета на должность доцента предположенной к организации кафедры гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии.
- 1865** – Возвращение в Москву. Избрание Советом Университета экстраординарным профессором кафедры физиологии с обязательством читать и курс гистологии.
- 1866** – Командировка за границу во время летних каникул для ознакомления с «физиологическими снарядами» и приобретения их для кафедры.
- 1867** – Поездка в Рязань и женитьба там на П.П. Боголюбской.
- 1868** – Опубликование работы «О тонком строении и происхождении осевого цилиндра». Работа в Триесте на берегу Адриатического моря для изучения электрических органов морского ската. Организация и ведение курса физиологии сельскохозяйственных животных в Петровской земледельческой и лесной академии (ныне Сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева) и работа там по совместительству со службой в Императорском Московском Университете до 1885 г.
- 1869** – Участие в организации II съезда русских естествоиспытателей в Москве, избрание руководителем секции анатомии и физиологии. Доклад на съезде о развитии и значении электрического органа у скатов. Избрание ординарным профессором кафедры гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии Московского Императорского Университета. Усиленная работа по организации кафедры, неоднократные командировки за границу в последующие годы.
- 1870** – Опубликование работы «Развитие электрического органа и значение моторных концевых пластинок».
- 1872** – Участие в составлении руководства по гистологии С. Штриккера. Публикация работы «О значении и развитии псевдоэлектрических органов». Участие в организации Политехнической выставки в Москве и последующая работа по приобретению для кафедры оптической аппаратуры.
- 1875** – Опубликование ряда работ об электрических органах.
- 1876** – Перемещение кафедры гистологии в новое здание анатомического театра.
- 1876** – **1877** — Путешествие к берегам Нила для изучения электрических рыб.
- 1882** – Опубликование работ об электрических органах и выступление с докладом о результатах изучения последних в Физико-медицинском обществе при Московском университете.
- 1884** – Болезнь и поездка на летнее время за границу для лечения.
- 1887** – Организация выставки лабораторной аппаратуры по гистологии и бактериологии во время II Пироговского съезда врачей в Москве.хлопоты о разрешении устройства при кафедре гистологии «Нормальной бактериологической лаборатории».
- 1888** – Совет Университета постановил «принять к выполнению» учреждение «Нормальной бактериологической лаборатории». Расширение бактериологической деятельности кафедры.
- 1889** – Оставление по выслуге 25 лет в Университете еще на дополнительный пятилетний срок.
- 1890** – Утверждение в звании Заслуженного профессора.
- 1891** – Смерть 23 мая в Москве и похороны на кладбище Данилова монастыря 26 мая.

(По А.И. Метелкину и др. с сокращениями)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
От автора	
Уроженец земли орловской	
Учитель и педагог	
Воспоминания учеников и студентов	
Справочная литература о Бабухине	
Прототип повести Чехова	
Основные даты жизни А.И. Бабухина	